Ляля Брынза

#БАБОДУРСКОЕ

la-la-brynza.livejournal.com

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Одобрено Рунетом

Ляля Брынза

Бабодурское (сборник)

«АСТ»
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Брынза Л.

Бабодурское (сборник) / Л. Брынза — «АСТ», 2017 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-104191-5

У автора этой книги две ипостаси. Есть Лариса Бортникова – писатель-фантаст, один из авторов проекта «Этногенез», лауреат премии «Роскона». И есть Ляля Брынза – блогер, автор ироничных текстов о жизни и любви, о браке и работе, о друзьях и посторонних, о нас обо всех. Под этой обложкой собраны лучшие миниатюры Ляли Брынзы, которые помогут вам разобраться за что ее любят более 16 тысяч читателей в «Фейсбуке».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-104191-5

© Брынза Л., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

От автора 6
Мужчина VS женщина 7
– 2 — 8
– 3 — 9
– 4 — 11
– 5 — 12
– 6 — 13
– 7 — 14
– 8 — 15
– 9 — 16
– 10 — 17
– 11 — 19
– 12 — 20
– 13 — 21
– 14 — 22
– 15 — 24
– 16 — 27
– 17 — 28
– 18 — 32
– 19 — 34
– 20 — 36
– 21 — 37
– 22 — 38
– 23 — 39
– 24 — 44
– 25 — 45
– 26 — 46
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Ляля Брынза
Бабодурское (сборник)

© Ляля Брынза, текст, 2017
© Юлия Межова, иллюстрации, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

От автора

Я долго сомневалась, оставлять ли название «Бабодурское» для этого сборника. С тех пор как я завела в своем ЖЖ этот тег, много воды утекло. И где уже то «дурское» и безбашенное? И уже лет мне не тридцать и не тридцать пять, и не хочется самоиронии, а хочется самодостаточности и женского красивого высокомерия… Почему нет?

Долго сомневалась. Но решила оставить. В качестве любви к себе тогдашней и уважения к себе сегодняшней.

«Бабодурское». Это я, и про меня, и про моих подруг, и про моих неподруг. Про все, что случилось и случается с одной среднестатистической (в общем) женщиной в большом мире.

Это про мою семью, про моего сына, про мужа, про любовь, про работу, про хобби, про все-все-все.

Одна из моих самых любимых книг, один из моих самых любимых мультфильмов: «Винни Пух и все-все-все».

Слушайте. А может, назовем этот сборник «Ляля Брынза и все-все-все»?

А… нет.

Пусть будет, как решили, «Бабодурское».

Мужчина VS женщина

Снился мне сегодня очень красивый и очень высокий олигарх. Родом был он из Самары, там же у него была его фабрика по производству пироженок и печенек. И он с руки кормил меня своими маффинами и этими… капкейками.

Честно говоря, капкейки были приторноваты, но олигарх был настолько хорош собой, что я ела, ела, ела и ела…

Олигарх был вдов. Его взрослая (16 лет) дочь смотрела на меня с любовью и тайно мне шептала. «Ляля! Вы ему так нравитесь, станьте мне мамою».

А я думала… Что я еще могу сожрать тонну капкейков и даже стать кому-нибудь мамою, лишь бы олигарх дал бы мне денег на мой гольф-клуб…

Проснулась окрыленная. Сытая. С ощущением, что все будет хорошо.

Мужу не рассказала, конечно. Зачем ему эти лишние знания?

Впрочем, сейчас он это все прочтет и даст мне…

Ну в общем, будет прав.

Любимый! Капкейки были так себе! Не волнуйся!

– 2 —

Мне кажется, что я про это уже писала этими же словами.

Как-то коллега жаловался мне на то, что его «жена не слушается».

В этой жалобе было столько честной досады на непослушную, непутевую жену, что я на какое-то время сама огорчилась. Действительно. Жена! И не слушается мужа. Не уба-ивается его.

В разговоре, помню, выяснилось, что жене не восемнадцать, что она начальник отдела логистики довольно приличного предприятия, что 50 % семейного дохода обеспечивает она, и т. д. и т. п.

Но ужасная, отвратительная неувязка! Не слушается!

Я попросила привести пример непослушания. И там было что-то вроде отказа одеваться на работу так, как считает муж. Ну что-то такое очень глупое, гендерное, стыдное.

* * *

И вот сегодня тоже жалуется один (уже другой) товарищ на непослушную жену. Капризница нарушила запрет и завела аккаунт в соцсетях! Он обнаружил! Был в ярости, устроил разнос супруге…

Ах. Чтоб вы понимали, он считает, что порядочной женщине в этом вертепе делать нечего. А жена у него, в отличие от меня, порядочная.

Но волос длинен – ум короток. Вот и завела себе страничку вконтакте.

А он ее предупреждал.

А он ей наказывал, чтоб ни-ни.

А она нарушила.

Очень он по этому поводу был опечален и свою печаль мне доносил под соусом: «Вот ты говоришь, что женщины равны мужчинам. Как же они равны, если элементарных вещей не понимают… И не слушаются?»

Истины ради, у товарища тоже нет аккаунта в соцсетях. Но все равно логика его – мужская-премужская – меня очень впечатлила.

Сижу под впечатлением.

– 3 —

10 лет супружества.

Она за три месяца до даты!!! без намеков!!! открытым текстом!!! прямо!!! прямее не бывает!!! словами!!! ссылкой в интернете!!! приводом и показом «вот это хочу»!!! просит у мужа подарить ей бриллиантовое кольцо.

Умеренно дорогое.

Умеренно бриллиантовое.

Не наносящее раны семейному бюджету.

Просто у нее такая есть 10 лет мечта (он ей, кроме обручалки, ничего так и не подарил), и она просит колечко:

за три месяца до даты!!!

открытым текстом!!!

прямо!!!

прямее не бывает!!!

словами!!!

ссылкой в интернете!!!

приводом в ювелирный магазин и толканием мордой в изделие!!!

заявлением «хочу вот это на наш десятилетний юбилей».

Какая нам с вами (и мужу) разница, что у нее там в голове и нахрена ей это кольцо?

Человек конкретно озвучил просьбу.

Имеет право на хотение, даже если оно вам, мне, мужу кажется нелепым.

«Да-да, я понял, конечно же, подарю», – говорит муж.

И повторяет еще несколько раз, потому что 10 лет брака, она, умная женщина, и напоминает про кольцо неоднократно.

* * *

Ну и там, дальше, собственно, долгожданная дата, утро, теплый уютный секс, шампанское, кофе в постель, она дарит ему непонятно на кой хрен нужный (но он хочет, значит, так надо) деревообрабатывающий станок стоимостью в полдома. Он счастлив, улыбается, смотрит на нее хитро и загадочно…

Приходит момент истины!

– Милая. Я подумал… и решил сделать тебе сюрприз. Что-то совсем неожиданное и крутое!!!

Тут она впиливает, что что-то пошло не так. Она как раз не хотела сюрприз. Она хотела вульгарное бриллиантовое кольцо. Она ему за три месяца до даты!!! открытым текстом!!! и так далее…

Но поздняк. СЮРПРИЗ! И ей только остается надеяться на то, что это будет не кольцо, а, например, два кольца! Или кольцо и серьги. Или кольцо, серьги и кулончик. Ну ок. Пусть просто кулончик без кольца. Главное, чтобы не посудомоечная машинка с функциями переводчика с японского, как в прошлый раз.

В общем, не буду вас мучить.

Снегоход! Отличный, красивый, дорогой мощный снегоход. Можно было бы купить модель подешевле… плюс колечко. Или еще дешевле… и колечко с кулончиком.

Но их нет, а есть только огромный снегоход за окном и улыбающаяся счастливая физиономия мужа, сделавшего любимой «офигенный сюрприз».

Ну конечно же, она запрыгала от радости до потолка. Конечно же, бросилась мужу на грудь. Конечно же, побежала одеваться, и садиться в этот снегоход, и кататься по округе, дико боясь свернуть шею.

И конечно же, еще раз сто она благодарила и говорила, что это лучший подарок в ее жизни и что она неимоверно счастлива.

А муж еще так кивал головой и приговаривал: «Видишь. А ты, глупая, хотела какое-то глупое кольцо. Зачем эта фигня? А вот снегохоооод. Можешь подружкам пойти похвастать, какой у тебя муж крутой и как тебя любит».

Ну, в общем, вот. Она мне похвасталась. И разрешила разделить ее радость с вами, друзья))).

– 4 —

А вообще, нынешняя «лирическая героиня» – ну та, которую «модно носить», – мне нравится.

Немножко аутична. Умна. Самодостаточна. Стремновата. Малоэмоциональна, но честна. Самостоятельна. Рефлексивна в меру. Уже не Амели… Давно уже не Бриджит Джонс. Тем более не «Красотка».

Сойка-пересмешница, карочи. Инсургент.

Я бы, будь она в моде в мое время, хорошо бы ее отыграла. Она бы куда лучше соответствовала настоящей мне, чем вот та «путааана… путаааана, путаааана», которую модно было носить в мои девяностые.

Я завидую нынешним девочкам, что МОЖНО вот это все. И несуразность, и «а кто здесь», и «я стреляю из лука, лучше, чем ты», и «я сама решу, когда ты будешь мне нужен».

Нам это было немножко нельзя. Нам в девяностые надо было ярко и жарко, чтобы в тренде. И такая вся наотмашь, и страданья… Ээээх…

Приходилось внутреннюю «сойку-пересмешницу» убирать на задний план, а наружу тащить эдакую разбитную и свободную как бы Шер.

Мне повезло. У меня лицо и тело подходило под Шер и, в принципе, не ломало быть шальной и веселой. Но я бы с бóльшим удовольствием косплеила бы Сойку. Меньше ресурса требует Сойка.

* * *

На вопрос «а где ты настоящая» ответа не будет.

Патамушта…

– 5 —

И теперь, когда Валентин закончился, позволю себе со старушечьим сладострастием (еще раз) вспомнить, как однажды я «валентинила» в более чем приличном общепите с двумя!!! нереальной красы мужиками, которые дополнительно ко всему еще и одарили меня всякими цветами и подарками.

Нет. Они не были в меня страстно влюблены. Ну разве что чуть-чуть, и то только тот, что помладше.

Он был нашим питерским бизнес-партнером и специально подогнал командировку под 14-е, чтобы меня погулять, и (как знать) может, и потанцевать, если сложится.

Тот, что постарше, не был в меня влюблен, но его бесило, что он такой весь прекрасный олигарх, а я ему еще не дала. А меня ровно это в нем и бесило…

Ну, в общем, этот «что постарше», когда понял, что тот, «что помладше», меня ведет «ужинать и танцевать», устроил довольно вульгарную комедию и буквально за нами увязался.

И нельзя было его послать, потому что нельзя. Босс! Большой Босс.

И надо было улыбаться и махать…

В общем, жуткой пошлости ситуация, если подумать.

Но мне от всей этой распошлятины было пречудесно. Потому что я себя ощущала, как та девица из кино «Сумерки», когда слева вампир, справа оборотень, оба бы вдули, а ты сидишь со сложным лицом и обоих динамишь.

И у тебя еще цветы, всякие подарки, и другие женщины смотрят на тебя с откровенным омерзением.

Неплохой, короче, задался «валентин».

* * *

Ну, кстати, я обоих так и продинамила, если что. И в тот вечер, и вообще.

Это сейчас, с возрастом, появилось во мне благородство, великодушие и человечность. А по молодости – та еще была засранка.

– 6 —

Я где-то лет в 35 впилила, что дура-дура и очень зря, например, отказала себе в традиционной свадьбе.

Тоже хотела «не как все». В результате ни платья белого, ни этих смешных ритуалов с продажей невесты, ни фоток, что можно потом внучке показать… Ничего того, что встраивает человечка обыкновенного (а я он и есть) в правильную, многовековую общечеловеческую Игру.

Очень зря. Сама себя лишила отличных воспоминаний и замечательной забавы.

Протест – это мило.

Но непротест – это умно.

Есть экзистенциальный хоровод. В нем надо быть. (Или бывать.)

Ничего в этом нет страшного или стыдного. Это принятие себя как части целого. Это утешает. Это спасает. Это радует чорд подери.

Ну да. Я тоже муравейник. Круто же.

Так что простите меня все, кого обидела волей или неволей. И вас я тоже прощаю. И Бог простит.

Хочется быть как все. Правда хочется. Ритуал (любой) очень хорош, потому что спасителен. И не просто так.

– 7 —

– Ах, – говорит, – я бы ее в театр на премьеру или на выставку бы современной живописи… Но робею.

– Я б ее, – говорит, – на Мальту или в Амстердам бы. Мы бы там бы гуляли под большим зонтом, держась за руки. Мы бы… мы… Но робею.

– Я б ее бы в хороший модный ресторан. И там дальше напоить шампанским, укутать в шубу и катать на тройках всю ночь… Но робею.

– Я б ее на крышу самую высокую в мире. И там чтобы телескоп и такой, знаешь, столик на двоих. И струнный квартет… Но робею.

А я слушаю и думаю. Не, брат. Не робеешь. Пиздишь!

– 8 —

Еще одно гендерно-ориентированное воспоминание. Пошли как-то с одним приятным джентльменом встречать рассвет на побережье Средиземного морюшка.

Он сам предложил. Мол, не желаете ли, синьора, и все такое…

Я была не против. Тем более, что он так внушительно помахал… бутылочкой просекки, господа! А не тем, чем вы подумали.

Да что там! Я была очень даже за.

Ну и что мы получили в результате.

1. Он не сумел открыть бутылку. Пришлось открывать самой.
2. Он не озаботился бокалами. Пришлось вкушать гедонизм из горла, по-пролетарски.
3. Ни сыра тебе, ни конфеточки…
4. ТЕПЛОЕ! Он взял теплую просекку!!!

Надо ли говорить, что ничего у нас не сложилось ни на берегу морюшка, ни потом.

Как можно доверять свои чувства тому, кто не умеет открывать шампанское?

– 9 —

Хочешь честно провести день без гендерных набросов.

Потом читаешь вдруг: «Настоящий мужик никогда не унизится до женского аватара или никнейма», потом думаешь, это какая ж должна быть у чувака уязвленная «маскулинность», что картинка няшного котика или розовенькой фиалки может ее обрушить в прах…

Бедолаги.

Просто бедолаги.

Что сделал с вами этот негодник-патриархат, что вы даже женским ником (какой-нибудь Матой Хари) назваться не можете из опасения, что другие такие же бедолаги вас загнобят.

Самодостаточность напрямую зависит от размера члена.

Тааак. Пойду чаю попью, пожалуй.

– 10 —
Самый первый турэцкий запыска

Через неделю мне будет опять много лет. Ну, я так думаю. А я – стрекоза. Здоровущая такая, щекастая и попастая стрекозища. Это ничего, что «пропела, пропрыгала»… Это ничего, что крылушки радужные уже дребезжат – не то радикулит, не то системный сбой. «Бдзззззрррррбббррррынзззззаа», – вот так дребезжат. Но полетала я неплохо. Вверх-вниз, с цветка на кусток, с кустка на кучку… Хотя кучка, это, вроде как, мушиная вотчина. Дребезжат, топорщатся крылышки. Долго ли еще летать? А и черт бы с ним! Сколько надо, столько и будем! Благо дело, копошится дома серьезный муравей, ждет лупоглазую бестолочь. Везучая я стрекозища (тьфу-тьфу-тьфу прям на ангела, что на левом плече сидит да похрапывает). Да я ведь не о том. Тут пару раз натыкалась на «путешественные» заметки, жизнеописи и зарисовочки о былом. Ну, а в тридцать пять всякой стрекозе есть что вспомнить. Так не порали? Бдддзззззз. Народ мой френдофрендный, занятие это малоинтересное – чужие мэмуары вычитывать, в несвежем бельеце копаться. Но тут такое дело: для себя ж пишу! И мне это ох как нужно! Почему? Зачем? Может, поймете позже… Может, нет…

Пишу. Обрывочно-кусочно по-стрекозявому. Нет! Про то, «как», «с кем», «зачем» – не буду! А буду очень коротенько о том, как слетала однажды в славный город Константинополь. Слетала ненадолго, на шесть лет:) Долго думалось, высиживалось, окукливалось. Вылупилось наконец. Пусть останется. Глядишь, соберу потом бусинки-горошинки, нанижу на леску, и сложится эдакий «турецкий гамбит» от Брынзы.

Ну и собственно: предисловие.

Почему так получилось? Какие такие флюиды флюидировали в моей голове (пятьдесят девять см в окружности) – не ведаю до сих пор. Видимо, снесло какой-то важный ограничитель оборотов, и зашкалило меня наискось по всей приборной доске. Мама плакала, папа нервно теребил совковый галстук, когда я пришла домой вместе со своим будущим супругом.

Я так и сказала: «Мама, папа, познакомьтесь – мой будущий супруг. Зовут его… Впрочем, кому какое дело, как его зовут… Светлые кудри, забранные в аккуратный хвостик, ореховая радужка, худенькие плечи и рюкзачок за спиной. Нерусское, нехристианское, некрасивое имя и бегающий взгляд. Мама охнула, папа сдержался.

Через два месяца устроили праздник – помолвку. Гости качали головами, шалели от золотой перевязи размером с «цепь на дубе том» на моей шее и шептались, что, мол нефигасе… Папа хорошенько поддал и рассекал по квартире, раскатисто жужжа: «Отдадут тебя замужжжжж… в деревню большую…» Этнический албанец (арнаут), турецкоподданный, безумно (они всегда это делают безумно) влюбленный, он сжимал мою ладонь и шептал что-то на языке покойного папаши – великого комбинатора. Праздник-помолвка удался. Гости разошлись пьяные, довольные, набитые до самой крышки впечатлениями и подарочными наборами «охренеть какая сплетня».

А за окнами шумело безобразие девяностых, у метро разливался ликер «Амаретто» и шлюхи толпились возле турецких стройплощадок в надежде отыскать персонального султана. Мой персональный снял однушку на Бабушкинской и завел в туалете бутылку с водой в целях личной гигиены. Я дымчато фигела. На батарее грелись мои носочки, положенные туда заботливой рукой моего «васточного мушчины», звонки раз-в-десять-минут на работу на предмет беспокойства о моем здоровье вызывали зависть подруг, а сумасшедшая страсть журчала в коленках и не только с утра до вечера.

Потом я пошла в аптеку, чтобы выяснить причину болей в спине и отсутствия аппетита. Потом я испугалась! Испугалась, потому что поняла, что безалаберность и авантюризм завели меня на узенький перешеек, и развернуться уже нельзя… Можно только тихонечко, приставляя ступню к ступне, двигаться вперед. Впереди блестел скумбриевыми спинками неведомый Босфор и взлетали в немосковскую синеву минареты Султан-Ахмета…

«Я спросил сегодня у менялы, что дает за полтумана по рублю…»

– 11 —
Про провокации

Вот один мой ухажер был уверен, что если я говорю по телефону с мужчиной (даже если по работе), то я ему или изменяю, или его спецом провоцирую.

Другой считал провокацией юбку, если она вдруг короче, чем на ладонь ниже колена. Юбка – провокация. Я – шлюха. Он – бедный котик, которому изменяют и которого не уважают.

Еще один считал провокацией вообще все. Сготовила ужин – провокация. Специально, типа, готовлю ужин, чтоб усыпить его бдительность и изменять. Не сготовила – провокация!!! Не уважаю, нашла другого, тому готовлю – ему нет. Изменяю.

Еще один полагал, что если я пишу рассказ и там есть мужской персонаж, то это про моего любовника бывшего или нынешнего. И значит что? Правильно. Провоцирую.

Ну про разговоры с таксистами, официантами и продавцами не будем, да. Там «Можно кофе с молоком?» приравнивалось к «Я хочу тебя немедленно всего на стойке ааааарррр».

Про встречи деловые, где присутствуют мужчины, – вообще молчим. Там просто сплошные грязные измены! Со всеми. Всегда. Везде. Групповуха, ад, ад!

Про одежду, которая не выглядит как мешок, тем более. Хотя мешок тоже она. Провокация. Мешок же еще больше возбуждает. Фантазии всякие рождает в мужских мозгах…

И так далее. И тому подобное.

* * *

Вот я после этого всего (и еще чуточки) поняла, что если человек хочет увидеть провокацию, он ее всегда увидит.

Поэтому я их всех послала нахуй, купила себе мини, сделала на голове кудрь, надела шпильки белые в дырочку, начала ходить враскачку, громко смеяться, флиртовать со всем, что шевелится, и отвешивать мужчинам пошлые комплименты…

Фильтр оказался отличным.

Он до сих пор работает. Если зовешь мужчину просто на чай-кофе, а он начинает вот это все… сразу в бан. Если для кого-то чай равно секс, то извините.

– 12 —

Уже лет пять я не ношу обувь на высоких каблуках. То есть где-то для себя я решила, что это уже не модно, а на самом деле, наверное, возраст шепнул мне на ушко, что хватит шалить, пора бы уже и успокоиться.

И я перебралась с каблуков на плоскую подошву и завела себе стадо всяких мокасин, лоферов, кроссовок и прочих кедиков.

Но все равно, стоит мне увидеть что-нибудь на каблах, женское сердце мое начинает восторженно петь и стучать изнутри: «Мама, мама, купи!»

Носить не буду.

Но сердце жаль.

Поэтому я продолжаю покупать все эти восхитительные каблуки и шпильки от 9 см и выше… и складировать их в шкаф.

– 13 —

А еще седни пьяный мужик в метро сказал мне: «У вас классные штаны, и сами вы классная».

Я тут же полезла проверять, застегнута ли у меня ширинка.

Застегнута.

Весна.

Просто весна.

– 14 —

И такой тонкий женский весенний сон снился, что удержаться невозможно. Нет. Рассказываю.

Я там женщина лет тридцати – тридцати пяти, незамужняя, без детей и в жуткой депрессии.

В депрессии я не потому, что не замужем, а потому, что мой любимый мужчина – ярчайшая личность, умница, красавец, звезда, оптимист и кобель (но это неважно), год назад погиб.

Что-то там такое связанное с промышленным альпинизмом произошло – точно не пояснили.

Но парень погиб, и я осталась одна.

В общем, по этому поводу у меня депрессия, я ничего не хочу, жить тоже не хочу, что дальше делать, не знаю… Работаю где-то в конторе бухгалтером потихонечку и никуда больше не хожу. Даже к психотерапевту. Мне пусто и очень… очень больно.

Жизнь закончилась.

* * *

ОТСТУПЛЕНИЕ: что примечательно в снах (не знаю, как у вас – я за себя говорю), что проживая истории за персонажей, ты полноценно отрабатываешь все их чувства, как свои. Удовольствие колоссальное. У меня часто бывают вовсе неизвестные мне в реальной жизни эмоции и реакции.

* * *

Так вот. Мои «добрые» приятели, обеспокоившись моим здоровьишком, затаскивают меня на вечеринку. Ну все-таки год и даже больше прошел с трагедии, надо как-то оживать… все такое.

Я не хочу на вечеринку, но решаю попробовать, потому что тоже понимаю ненормальность происходящего.

Прихожу. Это чей-то пентхаус в центре. Не знаю даже чей. Ну круто чо. Нахуя только я там?

И вдруг вижу я (глаза в глаза встречаемся) незнакомого парня, который неожиданно мне кажется очень близким, хорошим и да… внезапно нравится.

От этой мысли я нервничаю и иду курить на веранду. А там парапет стеклянный. И меня накрывает паникой, трындец просто! Невыносимый страх высоты! Ужас.

(Чтоб вы понимали, я в жизни не боюсь высоты совсем. Так что явно не моя фобия).

И этот ужас вынуждает меня лечь на пол (животом вниз), и лежать, и не шевелиться.

А тут, короче, этот парень (по фамилии Славников – кто-то окликнул) понимает, что за хрень происходит со мной, ложится рядом, берет за руку и начинает что-то рассказывать о том, как он тренирует детскую дворовую команду хоккеистов и прочую херню.

Ну в общем, успокоил, уболтал и вытащил он меня из паники и с балкона.

И я прям нехило им заинтересовалась. Стою у стеночки, смотрю на него, руки ходуном ходят от волнения.

Но тут слышу краем уха… что этот самый Славников – крутой психотерапевт и специализируется как раз на таких случаях, как у меня – потеря близких, депра, то-се… И пригласили его на вечерину спецом ради меня.

И я понимаю, что меня: а) как дуру развели и подставили; б) я как дура развелась и подставилась; в) у меня импринтинг на Славникова; г) надо валить, ничего тут не будет хорошего.

И я, короче, тихо собираюсь и валю. Бреду по улицам – в глазах черно от происходящего, сдохнуть проще. И еще этого Славникова лицо прям перед глазами, и шепот, и рука его горячая на моей руке.

И глаза у Славникова ХОРОШИЕ. Добрые хорошие глаза. Если вы понимаете, о чем я.

Сцуко обидно!

Ну… Карочи иду на мост, с моста хочу не то чтоб сигануть, но хотя бы рассмотреть такую возможность. И тут упс… и кто-то сзади окликает по имени. А зовут меня Леной.

– Лена, – говорит. И голос такой, зараза… Родной-прародной.

Оборачиваюсь. Глаза! Какие ж хорошие глаза у него! Ну вот правильные. И ничего что он – психотерапевт и просто работает. Можно, я не буду про это какое-то время думать? Можно?

И руки я ему доверчиво протягиваю, он их в свои берет. Горячие руки. Хорошие мужские горячие руки.

И меня к себе притягивает так осторрроожно.

И на ухо опять что-то такое психотерапевтическое трындит. И мне становится спокойно, уютно и я вдруг плачу.

А Славников вдруг замолкает. Я глаза-то поднимаю на него. А там ничего уже нет во взгляде психотерапевтического. Зато мужского такого правильного дохрена.

– Так нельзя же, этика пефессиональная, то-се, – лепечу я.

– Нельзя, – кивает Славников. – сжимает меня крепче, и улыбается, и губы у него…

*** * ***

И, КОРОЧЕ, Я ТУТ ПРОСЫПАЮСЬ, и как всегда облом-с, и не дали досмотреть. Но я седня досмотрю. Я умею.

Очень хороший Славников. Шатен. Глаза карие. Немножко с хипстерской бородкой, но умный.

– 15 —
Про пищу

Всякая молодая сноха норовит доказать свекрови, что у нее (у снохи то есть) руки растут из правильного места. Всякая свекровь норовит сношеньку уесть и продемонстрировать, что у снохи все произрастает из места неправильного. Не ведаю, отчего так повелось, но существует такая вот странная традиция. Меряние виртуальными пиписьками и борьба, значицца, за место главной львицы прайда;)

Тут можно много рассуждать о том, какую позицию должен занять «лев» и как себя следует вести, чтобы избежать конфликтов. Но, кажется мне, что вот недавно Соловьев на «сердожде» эту бытовую и очень всем поднадоевшую тему еще раз поднадоел. И хрен бы с ней.

Я лучше байку.

Итак, идет вторая неделя моего пребывания в Турции в качестве турэцкой жены. Я в перманентном ужасе от происходящего. Действительное выглядит совсем не так, как желаемое. Самое кошмарное то, что свекровь и золовка (сестра мужа) живут с нами, хотя предполагалось, что они переедут в свой дом. Я молчу. Меня мама учила, что женщина должна терпеть и молчать. Терплю. Надеюсь на лучшее и верю в счастливую звезду.

Меж тем ситуация «три бабы в доме» с каждым днем все больше и больше становится похожей на затишье перед цунами. Меня до домашних дел не допускают, относятся ко мне не то как к гостье, не то как к чуду чудному – зверьку заморскому, разговаривают при помощи жестов и сладеньких улыбочек и т. п. Я чувствую себя не то смертельно больной, не то хронической дурочкой. Сейчас, в мои почти сорок, я бы плюнула на эти ощущения и согласилась бы с чем угодно, лишь бы не мешали читать и кропать посты в жж. Но тогда меня это оскорбляло!

«Не доверяют», – думала я.

«Не уважают», – думала я.

«Смеются», – думала я.

Правильно, кстати, думала.

И вот однажды, когда в очередной раз у меня просто ОТОБРАЛИ пылесос с такой снисходительной ухмылкой типа «все равно ты нихрена не можешь, еще пылесос сломаешь», я вышла из себя. Вышла, как и положено молодым снохам, с мужем в тет-а-тете. Поорала, поревела, потопала ногами. Муж проникся и пошел наводить порядок. И вот, вернувшись после этого довольно-таки громкого порядконаведения, он мне сообщил, что завтра я буду готовить обед.

Нууу… Обед. И что? Я, кстати, в свои двадцать четыре очень даже умела и салатику настругать, и борщецу, и мясца, и всякого-разного. Вовсе даже не была я белоручкой и неумехой. Так мне казалось, ага. И наконец-то полученная возможность продемонстрировать «этим турецким дурам» свое кулинарное мастерство меня ничуть не испугала, а, наоборот, воодушевила.

«Сейчас я вам покажу, КАК НАДО ГОТОВИТЬ!» – подумала я злобно.

«Сейчас вы узнаете, как РУССКИЕ женщины умеют вести хозяйство», – еще злобнее.

«Сейчас вы поймете, что вся ваша тупая жизнь прошла зря и все ваши долмы и пилавы (едва удержалась чтобы не написать „унылое говно“) – фигня на оливковом масле».

Всю ночь я не спала – продумывала «убойное» меню. Теперь догадайтесь, чем я решила потрясти Константинополь?

ну дык: салат оливье – раз
селедка под шубой – два
жюльен – три
борщ – четыре
пирожки с капустой – пять
мясо по-французски с картофелем – шесть
(хорошо еще, меня на заливное и холодец не торкнуло, чесслово:)))

Знакомо, привычно, то, что мамы делают на средневажные праздники, и то, что почти с детства умеет делать каждая русская (извините, поправочка: советская) барышня.

С утра мы со свекровью направились покупать ингридиенты для вышеуказанного. Надо отдать ей должное, она молчала и даже не морщилась, когда я приобретала отнюдь не бюджетные для Стамбула продукты в типично «русских» масштабах. (Ну, как нас учили. Если борща, то ведро. Если салатику, то тазик. Если жюльену, то чтоб не по две кокотницы, а так чиста до икоты…) И вот, нагруженные пакетами со жрачкой, мы вернулись домой. Я нацепила фартук, платочек, и вперед, к плите. Опять же свекровь предложила помощь, но я гордо ее отвергла, сказав «вы ЭТОГО не умеете».

Я хоть на руку и не легкая, за четыре часа справилась. Замаялась, правда. Ногами заболела. Но зато у меня на плите пыхтел борщ, в духовке стояло мясо, а салаты ждали заправки. Пирожки, уложенные рядами, готовились быть засунутыми в печь. А, да. Жюльен остывал в ожидании подогрева и посыпания тертым сыром.

Впрочем, существовали некоторые мелочи, которые меня несколько смущали:

а) в Турции нет сметаны, поэтому жюльен я заправила йогуртом;

б) купленный нами самый дорогой старый сыр жутко вонял – не благородной плесенью, а именно густым сырным духом;

в) тесто, которое мы нашли в продаже (сама бы я не успела), выглядело несколько иначе, чем требуемое;

г) то, что обладало внешностью селедки, селедкой вовсе не являлось, хотя имело какое-то отношение к рыбе. Ага.

д) вкус местного майонеза очень здорово отличался от привычного провансаля.

И еще кое-какая чепуха.

И вот наступил мой звездный час.

Я выставила на накрытый парадной скатертью стол праздничный сервиз, нахерачила борща в супницу и водрузила ее на стол вместе с пирожками. Там же были поставлены салат оливье и как бы селедка под шубой. Свекровь опасливо потянулась за пирожком, откусила с бочка и осторожно положила на краешек тарелки. Золовка даже пробовать не стала, лишь только углядела в начинке яйца. «Фууу. Воняет как, – сморщилась она на надкушенный матушкой кусочек. – Кто же с яйцами их делает-то?»

Я разозлилась, но виду не подала, занятая раскладыванием салатов. «Фууу. Воняет как. И лук. А это что?» – золовка отодвинула тарелку с оливье подальше и почти зажала нос ладонью.

– Курица. Русский салат (оливье в Турции, как и во многих других странах, зовут либо русский, либо американский салат) делается так, – огрызнулась я.

– Не знаю. У нас русский салат делают по-другому.

Селедку под шубой даже вежливая свекровь, трудно давившаяся до этого «русским» салатом, есть не стала. Едва унюхала рыбный запах и сообразила, что сверху натерта вареная свекла и все это сдобрено майонезом. «Разве можно рыбу с картошкой вместе? И с бураком?

И с…» – округлила глаза золовка, и я поняла, что салатная часть мной проиграна. Они просто ЭТО НЕ ЖРАЛИ.

Часть борщевая была проиграна также бездарно с нулевым счетом. Впрочем, я могла догадаться. Редкий иностранец понимает всю прелесть обжигающего борща, и никакому иностранцу не пояснишь, почему борщ от долгого хранения становится только вкуснее.

Когда очередь дошла до жюльена, я уже махнула на нехристей рукой. Что они понимают в наших кулинарных традициях! И верно. Жюльен понюхали и, недовольные запахом тертых носков:) пожали плечами. Да еще этот йогурт, добавленный вместо сметаны, придавал шампиньонам кисловатый вкус.

Что уж говорить про мясо. Лук с тем же вонючим сыром был брезгливо отодвинут вилкой. В бифштексах, впрочем, поковырялись, но сочли их недостаточно прожаренными. Даже сырыми.

Догнались мои турки печеной картошкой, которая, на их взгляд, вышла жирной и была неправильно порезана. Мне уже было без разницы, я вяло жевала как бы селедку под как бы шубой, а тетки косились на меня с ужасом, мол, что еще ждать от этой дочери шейтана.

Не. Я не огорчилась. Я задумалась. И очень крепко. А когда раздумалась и к вечеру обнаружила: а) тазик оливье, б) судок селедки, в) корзину пирожков, г) ведро борща, д) килограмм мяса в мусорном баке, сделала вывод.

Со своим уставом в чужой монастырь надо соваться думаючи. Ду-ма-ю-чи.

А оливье жалко. И мясо тоже. И пирожки. Хотя они, если честно, так себе вышли. Тесто почти не подошло. Турецкое тесто. Что с него взять?

– 16 —

Дочка соседки (старше меня лет на семь) выходила замуж.

По большой любви, которая началась еще со школы, выдержала испытания женихов-ской армией и невестиным дипломом учительницы младших классов… и вот наконец увенчивалась тем, чем и должна. Законным браком.

«Ужас, ужас, как он, бедный, жить с ней будет?» – шептались все вовлеченные и интересующиеся. «Бросит через год максимум», – безапелляционно отвечали другие вовлеченные.

Первые вовлеченные кивали и закатывали к небесям глаза.

Вопрос про «как будет жить?» являлся риторическим. Всем было понятно, что никак. Самые опытные давали этому браку максимум год. Самые добрые – три.

Я была девицей юной и доброй. Поэтому тоже склонялась к трем годам. К тому же, мне нравилась эта красивая невеста Юля и этот красивый жених Александр, и то, как они целовались под фонарем у подъезда.

Поэтому три.

«Жалко девчонку, конечно. Но его можно понять. Он здоровый красивый мужик, ему разве это ВСЕ надо? Бросит… Не выдержит и бросит. Ни один мужик такое не выдержит. Иначе он не мужик».

* * *

Ну. Достаточно нагнела я вам тут?

Аллергия у нее была. Страшная аллергия на любые моющие средства. На соду, мыло, порошки, шампуни.

Она волосы чуть ли не золой мыла.

И то не сама, а мама ей мыла… ну и жених (как потом выяснилось).

А посуду помыть, постирать, полы там… или еще что. Нет. Не могла. Шкура слезала с нее. Лохмотьями.

Принцесса на горошине – белоручка.

Понятно, что «какой мужик будет с такой жить»… Это, конечно, не история о бесплодии, но где-то сильно рядом.

А то и похуже. Потому что такая жена унижает мужчину ежедневно. Ежедневно его делает «бабой».

Нет. Не бросил Саша Юлю. И первый десяток лет он исправно мыл, отмывал, протирал, замачивал и стирал. И за ней, и за их общими детьми. Дальше я просто не знаю. Утерялись все контакты. Думаю, что все у них хорошо.

Но я помню эту забавную историю и всехную вокруг (и мою тоже) печальную уверенность, что такой брак обречен. Потому что в нем женщина – не женщина, а чорд знает что вообще. А кому она нужна, когда она не женщина? Ни-ко-му.

– 17 —
Айфер

Это хорошая история. Это история грустная. Это история о милой турецкой девушке Айфер и о безымянном черноглазом юноше. Итак… Жила-была девушка Айфер. Жила она на пятом этаже моего дома и частенько забегала по выходным на второй – в мою квартирку с видом на невыносимо бесконечный Босфор. Айфер скидывала шлепки возле двери и мышкой проскальзывала в салон.

Надо сказать, что у ортодоксальных (запомните это слово, оно еще встретится не раз) турок нет гостиной в нашем – полуевропейском – понимании. Есть салон – эдакая комнатка, либо холл, либо что там у вас в доме имеется, где по вечерам собирается семья, где ставится обеденный стол, где возле телевизора сбиваются в стайки чьи-то дети. Там пьют чай и разговаривают «за жизнь».

Есть еще гостевая комната. Не гостиная, именно гостевая комната, в которую стягивают всю более-менее приличную мебель, расстилают ковры, и где в высокой горке с завитушками поблескивают гранями хрустальные стаканчики для того же чая. Гостевую содержат в идеальном порядке и открывают исключительно в целях почетного гостевания. О! Если вас запустили в «гостевую» – гордитесь. Вы важный человек! Вас уважают, вашим вниманием дорожат, вам хотят продемонстрировать семейное благополучие и проч. и проч. У меня, как у всякой порядочной ортодоксальной турчанки, имелась подобная коврово-бархатная цитадель. Но Айфер, будучи, во-первых, моей поднадоевшей соседкой, во-вторых, девицей юной и незамужней, претендовать на почетное гостевание не смела. Нет. Она шлепала шерстяными носками по плитке салона и забиралась с ногами на диван, затянутый в чехол – хранитель белой обивки.

– Лале абла, – журчала она на плохом турецком (родом моя подружка была из Анадолу, и от Стамбульского ее говорок отличался как… ну как, к примеру… да нет… у этих по-русски выходит куда лучше), – я не помешаю? Я посижу тут немножко.

– Сиди, сиди, дочка, – кивала я в ответ, матерясь про себя. Дочка (а все, что не замужем и моложе меня на пять лет, попадало под это определение) имела обыкновение замирать на ситцевых маках дивана часов по шесть, уперто тыча иглой в пяльцы, расшивая гладью уголки махровых полотенец и вздыхая.

Мы не разговаривали. О чем? Ну, скажите, о чем я – веселая москвичка с недурным стажем шатания по арбатским барам и классическим университетским образованием – могла поболтать с двадцатилетней девицей из Анатолийской деревушки? Правильно – ни о чем! Поэтому приходилось молчать. Я сидела за стареньким «пентюхом», набивая очередной перевод, а Айфер вздыхала без какой-либо просчитываемой периодичности.

Айфер была грустно некрасива. Некрасива эдакой незаметной, болотного цвета некрасотой, которую никак не замечаешь. Нос, губы, глаза – все усердно работало на эту некрасивость. Уродиной, увы, Айфер тоже назвать не поднималась рука, язык и проч. Так себе. Айфер. Кстати, Айфер означает «лунный свет». На этот раз у луны вышел некий световой казус. Бывает.

Одевалась моя бессловесная подруженька так, как положено девушкам, принадлежащим именно к этой группе населения славного Царьграда. Длиннющая бесформенная юбка, аналогичной безобразности кофтейка с растянутыми рукавами и платок. Ох уж мне этот платок – платочек. Он был то лиловым в желтых разводах, то синим с золотом, то совсем ромашково-простеньким. Он туго завязывался под подбородком и надвигался на узкий лоб.

Иногда его стягивали на плечи, и тогда густые каштановые волны ликовали, подтверждая истину, что Аллах – мудр, и что, обделив в одном, в другом воздает обычно с лихвой.

Так мы и дружили. Молчаливо, нелепо, странно. По-моему, Айфер от меня шалела. Умение мое писать, читать, стучать по клавишам и красить губы повергало ее в трепет. А туалетный столик являлся средоточием грехов и соблазнов. Иногда, думая, что я не замечаю, она открывала крышечки кремов и разных дамских прибамбасов и нюхала. Нет! Попробовать все это великолепие Айфер не смела – но поглазеть – пощупать! Я заходила в ванную, возвращала баночки и флакончики на положенное место и пожимала плечами. Восток…

Поскольку родители Айфер были людьми серьезными, во всех отношениях правильными и глубоко верующими, судьбы своих дочерей (а было их всего пять) планировались жестко. Три (максимум четыре) класса школы, курсы Корана при ближайшей мечети, брак. Все как положено. Однако прежде чем отдать дочечку в надежные руки супруга, следовало ее обучить необходимым штучкам. Под штучками родители Айфер подразумевали уборку, глажку, готовку, вязание, вышивание, шитье и все то, к чему современная русская женщина склонностей не питает. Подобное обучение частично проходило в семье, а частично в «дневной школе» для девушек, куда Айфер ходила два раза в неделю, сопровождаемая сестрами и матушкой. Из школы она возвращалась ближе к вечеру, обогащенная новым методом верчения долмы или супер-модным способом вышивания гладью. Все бы так и текло-перетекало: гладко, неспешно, туманно… Но…

Но у Айфер имелась я, а у меня имелся туалетный столик. А еще Айфер была юна (нет, по меркам нашего квартала она, разумеется, «засиделась»… уже двадцать лет…). Айфер была очень юна.

Как так вышло, уже не помню. Но в один из вторников она направилась в свою дурацкую «кружевную школу» одна. Не то матушка приболела, не то сестренки в деревню уехали. Короче, нацепив пониже свой платок и напялив длинный плащ омерзительного горчичного цвета, Айфер спускалась по извилистым улочкам вниз. (Надо сказать, жили мы на холме, и, чтобы дойти до «культурных достопримечательностей» района, приходилось порядком попотеть, а уж обратно… Бррр! Не напоминайте!) Так вот, шла она, шла и возле бакалейной лавчонки, что на углу, умудрилась зацепиться ботиком за какую-то железяку. Чуть не навернулась, притормозила, чтобы шнурок завязать, а когда распрямилась – увидела его. Он расставлял банки с пепси-колой на уличном лотке и был неимоверно красив. Так рассказывала Айфер. Я потом специально ходила в этот магазинчик, и ничего похожего не обнаружила. Ну и ладно…

И вот этот неимоверный красавец ей улыбнулся. Именно ей. Глядя в глаза. Улыбнулся! Ей! Можете себе представить? Ясное дело, Айфер залилась алым и помчалась дальше, не обращая внимания на мешающий шнурок. Домой она возвращалась другой дорогой, целых два дня мучалась, а потом рассказала мне… Мамочки! Да у меня никогда в жизни так не дрожал голос, так не трепетали ресницы, так не светилось лицо… Никогда! А у этой девочки даже ромашки на платке влюбленно шелестели, даже нитки «мулине» орали в голос: «люююбиииим»… Эх! Я позавидовала, я порадовалась, я выслушала сто двадцать пять раз «сагу о пепси-коле и развязавшемся шнурке», и вместе с Айфер стала ждать пятницы. В пятницу намечались очередные «кружевные университеты»…

Утром она поскреблась в дверь и сообщила, что матушка отболела и, ясен пень, дочечку одну не отпустит. Сестрицы тоже не остались в стороне, и вся эта толпища ломанула вниз – плюс штук шесть детей разного полу и возрасту.

– Он ждал! Он ждал! – кружилась она вечером по «салону». – Он смотрел!

– И чего? – перевод шел с трудом, Айферкины переживания меня не трогали.

– А я во вторник надену голубой, или, думаешь, синий с узором лучше? – Ее волновал цвет платка, а меня волновали сроки сдачи работы.

– Ага… Синий лучше…

Неделя, другая, третья. Вторник, пятница… Синий с узорами, голубой, фиолетовый в разводах, украденный у старшей сестры цыплячий в мелкую блошку… Глаза горели, щеки пылали, уши пунцовели… Не Лунный Свет, а миллионы, миллиарды солнечных протуберанцев. Ага. Все правильно! Она стала красавицей! Бесконечно прекрасной, светлой, летящей… А мне пришлось выучить весь ассортимент бакалеи. Наш безымянный герой заставлял уличные лотки банками спрайта, чипсами, пачками крекеров и даже солеными огурцами. По вторникам и пятницам лотки обновлялись. Все это бакалейное великолепие вопило Айфер о взаимности.

Прошло месяца три. Суровая матушка, прихватив пару дочек, уехала на родину – в далекую Анатолию. Другая пара была чересчур мала, чтобы шнырять по холмам туда-сюда без определенной цели, и у Айфер появился шанс…

– Лале абла, а можно я немножко духами? А? – у нее дребезжал голосок. От ужаса, от невероятности самой мысли и от того, что я могу отказать. Она за всю свою платочно-вышивальную жизнь никогда ничего так не хотела, как вот этой вот капли «Живанши» на запястье.

– Отец ругаться будет. – О! Я уже знала, чем чреваты подобные «благие намерения». – Нельзя!

– Ну, Лале абла… – Ручки у Айфер крохотные, и реснички махонькие. И дрожат.

От Айфер пахло Францией, пороком, фаршированным перцем и детским мылом. Я брызнула самую крошечку. С балкона я наблюдала, как Айфер, распрямив плечи, вышагивает по брусчатке с уверенностью парижской кокетки.

И знаете? Через неделю она решилась помазать губы гигиенической помадой со вкусом вишни. И даже слегка сдвинуть «синий с узорами» на затылок, чтобы открыть узкую каштановую полосу надо лбом. По прибытии домой все это восстанавливалось, смывалось, оттиралось у меня в ванной.

Папа Айфер пребывал в счастливом неведении. А я мучалась от собственной неправоты.

Нельзя! Нельзя! Ни в коем случае! Я же ломала девочку, я же вела себя подобно мадам из борделя, заставляя ее свернуть с прямого пути на путь извилистый и порочный. А гигиеническая помада со вкусом вишни ей неимоверно шла.

Апофеоз грянул в один из вторников в результате наших с Айфер совместных усилий по вытаскиванию маленького локона из-под «фиолетового в разводах». Молчаливо вздыхающий и пожирающий взглядом красавец решился! Он сделал первый шаг!

Айфер влетела без стука. Не снимая обуви, проскочила в салон и уселась прямо на ворох листов новопереведенного ТЭО.

– Он… Он… Он… – задыхалась, смеялась, тормошила меня за рукав, снова смеялась, – Он подошел…

– Ну? – мое ленивое любопытство не соответствовало уровню солнечной активности.

– Он подошел… Он подошел и спросил… – становилось жарче и жарче.

– Ну?

– Он спросил: «который час?»

– А ты?

– А я… – Она покраснела. Произошел корональный выброс протуберанцев. – Я ответила. Представляешь! Он спросил «который час», а я ответила… Веришь, Лале абла, я так счастлива!

О да! Я верила!

Можно смеяться, можно не понимать, можно удивляться. Но, знаете, когда через четыре – пять месяцев переглядываний украдкой, перетаскиваний минимум сотни ящиков с пепси, уничтожения двух гигиенических помад к тебе подходят и спрашивают «который час»… Это – счастье! Это равносильно… Эээх… Да вы не поймете… Где вам? Где нам? Где? У нас есть нумерология с цифрами «пять» и «пятнадцать» (читавшие меня раньше – сообразят, о чем речь), есть «две палки кофе», есть уверенность, раскрепощенность и сексуальная революция! А у моей Айфер спросили «который час»! И это значило так невероятно много! Вообще-то это означало, что вполне можно ждать сватов со дня на день…

На самом деле. Подобные авансы просто так не делаются. Подобные вопросы просто так не задаются. А в нашем квартале все знали обо всех все. Естественно, для бакалейщика не являлось тайной, где живет и чем занимается его «вишнево-гигиеническая» пассия. Даже если и являлось, выяснить детали не представляло труда…

И мы стали ждать! Весьма кстати вернулась матушка с сестрами. Батюшка Айфер приобрел лавочку неподалеку, жизнь казалась прекрасной. Я купила моей красавице персональный блеск для губ, на этот раз малинового происхождения. Мы стали ждать.

А потом она пришла вечером, села в уголок и заплакала. Тихонечко так, словно вытягивая из себя тоску по ниточкам. А я боялась спросить.

Оказалось, все очень просто. Сговорили мою Айфер. Там, в Анатолии, и сговорили. Не просто так ездила туда женская часть семейства. Обговаривали, видать, приданое. Наверное, шумели, радовались, пили кофе и ели лукум. Может, даже и шоколад кушали… А что? Вполне вероятно! Дело-то какое славное! Свадьба!

Бакалейщик не пришел. Может, и не собирался (хотя, не думаю). Узнал, скорее всего, что отдают Айфер замуж за другого – такие новости по кварталу расползаются за секунду. Сама Айфер родителям не призналась, что есть у нее тайная любовь – боялась. Я в их безобразия, понятно, не полезла – не след гяурке неправоверной соваться в семейные проблемы.

Айфер перестала приходить – времени не хватало. Мы иногда пересекались на улице, здоровались, я интересовалась процессом приготовления приданого, она – переводами. Думаю, ей нравилось звучание слова «перевод». Поговорить толком не удавалось, рядом вечно находились какие-то тетки, детки, бабки… Да и не интересно мне было. Сериал закончился.

Меня приглашали и на смотрины, и на помолвку, и на свадьбу. Приходил отец Айфер, очень вежливо топтался, просил. В квартале Лале ханым считалась персоной уважаемой (в меру, разумеется). А у меня как раз наступил завал с работой. Да еще и командировки одна за другой. Короче, не пошла я никуда. Улетела в Вену, потом в Москву, потом еще куда-то… Вернулась… Вернулась в день свадьбы.

Уставшая как собака, бросила чемоданы на пол, поругалась с мужем, рявкнула на свекровь. Увидела с балкона толпу, спросила «обрявкнутую», в чем дело? Она и разъяснила. Свадьба!

Мы поднялись на пятый этаж втроем – свекровь, муж и я. Традиции все-таки требовали, чтобы добрые соседи отметились… В дверях стояли Айфер с женихом. Невзрачный мужичок и упакованная в белый тюль Айфер. Семья не поскупилась – платье, тюрбан, золотые браслеты. Замороженная рождественская елка. Айфер… Лунный свет. У луны случился световой казус… Облажалась луна… Некрасивая невеста… Какая некрасивая невеста…

У бакалейного магазинчика, что на углу, пустовали уличные лотки.

– 18 —

Ухаживания таксистов – отдельный жанр народного творчества.

Прекрасно здесь все-все. Начиная с «тщательного» выбора музыкального сопровождения поездки и заканчивая «разговором за жизнь».

Если есть в мире женщина, которой ни разу ни в каком формате не домогался таксист, то она пиздец страшная, я даже не представляю НАСКОЛЬКО. И не убеждайте меня в обратном…

* * *

Таксисты бывают всякие, домогаются они тоже по-разному, и это может быть всего лишь «ах какая интересная женщина – одна в этот час с аэропорта, – а что муж не встречает?», а может быть совсем плохо, но этот вариант мы тут рассматривать не станем.

Нет.

Никто не спорит, что назойливое неприятное общение нужно пресекать сразу… Никто не спорит, что времена изменились. Современный таксист так очкует за свое место, что угроза «а я тебе оценку занижу» действует на него подобно заклинанию «круциатус».

Но круциатус – круциатусом, а среднестатистический таксист как клеился к пассажирке, так и продолжает.

И что с этим делать, понятия не имею.

Не. Ну если глобально, то имею понятие, но таксистам оно не понравится.

Но мы говорим о здесь и сейчас, и в рамках УК.

Так что делать?

Жаловаться? Это само собой. Это потом. Вопрос, что делать в ситуации домогательства?

* * *

Ах, стоп! Извините. Надо ж НЕ ДАВАТЬ ПОВОДА. Не быть виктимной, не садиться на переднее сиденье, не улыбаться, не интересоваться прогнозами времени прибытия. Лучше немедленно достать из сумочки планшет, молитвенник, автомат Калашникова, дрессированную гадюку и помахивать ими всю дорогу, чтобы таксист понял – человек вы серьезный, а не какая-то легкодоступная шурыгина.

Еще, едва таксист переключится с «милицейской волны» на какой-нибудь «радио-джаз», надо закричать и выпрыгнуть прямо на ходу. Как поступают все приличные женщины.

Если таксист спросит «а вы откуда прилетели одна», следует его устыдить женой и детьми, чтобы он расплакался и убежал, оставив вам машину, выручку и мобильник.

А если таксист вдруг начинает намекать на чашечку кофе как-нибудь вечерком, то следует немедля активировать планшет и начать писать жалобу его работодателю, жене и комитету по правам человека.

И тогда все станет хорошо, таксист поймет, как он был не прав, исправится, раскается, и вас с ним пригласят к Малахову на «Пусть говорят».

* * *

Не. Ну вот мы смеемся, а часа в четыре утра, на трассе аэропорт – командировка, зимой, когда ты никого в этом городе не знаешь, телефон сел, а водитель такси влажно вздыхает и явно тебя домогается (степени тяжести могут быть разными)… что тогда делать?

Ясно же, что хотя вариантов развития событий много, большинство из них не те, на которые ты рассчитывала.

Помню, я предпочитала в сложных случаях «отболтаться». Вступить во флирт, свести его до уровня «дружеский», пообещать встречу потом… как-нибудь, дать телефончик… и проч., слинять.

Получалось не всегда. И на пустой трассе, бывало, высаживали меня обиженные невниманием водители. И разное еще бывало))) Да ладно.

Я, главное, что эту тему-то подняла?

* * *

Еду тут. Таксист – моего возраста дядька, заводит «шуры-муры». Издалека. Мол, вот пахнет хорошо от вас. Духи какие вкусные. Вот и пуховичок беленький. И брючки светленькие. И сережечки в ушах. И очки такие со вкусом… И сами вы, хоть и не молодая уже девочка, но видно, что женщина, которая ЖЕНЩИНА, которой это важно…

Ну я слушаю, молчу. Ржу про себя. Я ж не ночью на трассе аэропорт – командировка.

А он продолжает.

«А моя жена себя запустила. Неинтересно ей. И толстая стала, и неприбранная, и даже кремом лицо не мажет, и маникюр не делает, и потом от нее воняет все время… Вот почему так? Некоторые женщины, как вы… а некоторые, не как вы, а как моя жена».

Ну я глаза подняла от айфона. Посмотрела на него и уныло перечислила.

Начиная собственно с айфона. Стоимость: айфона, сумки, куртки, штанишек, сережек, маникюра, очков, кремиков разных, проч.

Ну я преувеличила, да. Сильно. Раза в четыре преувеличила. И лицо такое, знаете, сделала… сучье-пресучье.

Все это приблизительно суммировала.

И поинтересовалась: «А вы, голубчик, можете вашей жене это все обеспечить? Включая ежедневные поездки на такси?»

Он икнул. Замычал невнятное.

«Ну а что вы тогда от женщины вашей требуете? Каков поп, таков и приход…»

Всю дорогу он молчал. Ненавидел меня. Знаю.

* * *

Но я чот разозлилась. Я вообще сейчас часто злюсь на людей. Старость.

– 19 —
Амазонка я

Выяснили, что амазонки себя всячески калечили с целью улучшения параметров стрелябельности. Биатлонистки, млин… А я б от лишней пары сисек не отказалась ни за что!

Но я ж уже не об этом. А о том, как я однажды потрясла крепких турэцких мужиков своей бабарусскостью.

Я, вроде как, ничего так стреляю. Ну, не снайпер, конечно, но вполне себе могу кого-нибудь пришлепнуть, и никакой мышьяк мне для этого не требуется. Батя мой – военный, и поскольку до четырнадцати годков была единственной и любимой деточкой, воспитывали меня, как солдата. Ну там, консервой кормили пайковой, макаронцами серыми, кашей перловой с тушшонночкой (мнямс). Водили на полигон и давали железну пушку в белы ручки… Ага… ОТдача… Ага, плечи ныли и пальцы отваливались. Но лупила недурственно. Батя гордился, батино погонистое окружение тоже. А что? Стоит такая мелкотень на худеньких ножках, в ручонке Макарова сжимает, другой ручонкой снизу поддерживает, и «бумс-бумс», и в яблочко…

Потом брательник народился, и прекратились полигонные забавы. Да и подросла я: мальчики, косметика, юбочка-мини… Только разве мастерство пропьешь?

В универе пока училась, тоже забавилась. По-простому. Возле корпуса тир был, обычный тир – совковый. Ну, где пульки надо в ружьишко пальцем затыкать, и где жестяные зайцы с белками движутся хороводом. Мы туда с подружкой между парами бегали. Народ в курилку, а мы в тир. Пристреляли парочку пневматичек, мушечку под себя малость подсбили налево. Оченно прибыльный бизнес наладили.

А бизнес такой. Заходишь эдак в этот сарайчик, хлопаешь глазюками, осматриваешь аудиторию. Если нет никого, ну можно пострелять, а смысл… А вот если там мужиков натыкано. Вот он – бизнес. Тогда включаешь дурку. Диду, что в будке пульками торгует, в ладошку хихикает – знает. А мужики – грудь колесом, чуб стояком, морды бычьи – бойцы, бля… Мы так бочком-бочком, а сами между собой тихонечко так беседуем.

– Ой. Тут как здорово!

– Ой. А давай попробуем…

– Ой. А как это…

Ясно, что мужичье тут же готово нам и место уступить, и объяснить, что это за такие свинцовые кусочки и зачем их надо вовнутрь пихать. И даже пихают, и разъясняют дурочкам, как целится надо. И рекомендуют большие и неподвижные мишени… Ой-ой-ой… Ржунимагу. Бочком-бочком за винтовочку хвать. И надо обязательно подвизгивать от ужаса и восторга. И долго пыжиться, чтоб «разломить» эту страшную дуру посередке, и потом старательно пихать пульку не тем концом. Все! Имидж готов! И пара промахов по большим мишеням. И одна «случайно» в цель. И восторг с прыганием до дощатого потолка, чтоб сиськи колыхались… И мужики в экстазе… И еще одна «случайно» в цель… И подкормленный нами диду ненароком про свечки молвит. И мужики гоголем по сарайчику за пульками разгуливают. И горят, мерцают, дергаются огоньки… И Наташка или я говорим…

– Ой… А давай в огонечки.

– Нууу… Не попадем…

– Попадем! В сову же попали!

Мужики ржут…

– А давайте на спор, мужики… На червонец…

Кто порядочный, тот долго отказывается. Таких мало, но все равно уговариваются, особливо если пообещать телефончик, если проиграем… И вот он – апогеище…

И вместо старенького ружеца любимые стрелялки. Мушка под нас уже с полгода настроена. Вот это вот движение предплечьем, на полградуса, и бамс… бамс… бамс… бамс… – восемь секунд, и только дымок вьется… И молчание… И шуршание купюрой. И кто-то допирает.

– Развели, девки!

И мы ржем…

* * *

А в Турляндии было так… Ходила на девятом уже месяце. Пузатенькая, милая страшно. Выгуливалась по Босфорской набережной, дышала морским воздухом, пожирала кукурузу вареную тоннами. А надо сказать, что есть там народная турецкая забава – «стрельни в шарик». Турки – народ воинственный, популять любят. Воздушные шарики разных цветов и размером с маленький арбуз выставляются на волну. Метров десять от берега. И там они колыхаются туда-сюда, нацепленные на шнурочек. Желающие пострелять платят небольшую мзду и выбирают стрелялку. А там – ПЛИ!!!

Кстати, шарики на волне похлеще свечек. Не смотрите, что они большие. Движение волны предугадать сложно. И движется мишень то вверх, то вниз, то вправо, то влево, с непредсказуемой амплитудой.

И вот я разгуливаю под ручку с супругом, закос на эти цветные горошины и невыносимо хочется пострелять. В Турции! Женщина! В положении! Пострелять! Не бывает такого. А мне хочется так, что впору родить. Вот я и начинаю супруга всячески доставать. А он (не имея ни малейшего представления о моих снайперских заслугах) отмахивается и смеется. И даже возмущается, потому как не дело бабе за ружжо цапать! Но тут юноша, что зарабатывает на таких вот лохах типа нас, выдает хитрющую фразину: пусть, мол, абла позабавится, глядишь, мальчика родит – солдата… Ну, папаня-то, ясен пень, завелся… Это уже не шуточки… Это уже прям под дых ударец. И значиццо дает юноше деньгу, а сам мне оружие выбирать.

Нееет! Уж стелятельный аппарат я как-нибудь сама под себя… Я, забыв про пузо, ломанула к скамеечке, на которой все эти пушки и пушечки были разложены, и подобрала себе хорошую добрую пневму… Тяжеловата была, но я нашла упорчик и прицелилась… Муж хмурился, юноша ухмылялся, окружающие турки дивились неподеццки, собрав небольшую, но плотную толпень. А я целилась. И дите у меня в животе эдак правильно, по-человечески, застыло… И – хуякс!!! И мимо… Потому что волна… И все так зацокали языками, замотали бородками, мол, не бабское это дело…

А у меня задор, кураж и злость здоровая на нерусей поперла, да так, что «мама, не горюй!» Ща каак развернусь, и каак… Но собралась я, и еще раз мы с моим дитем прицелились. И – хуякс! И попали…

– Случайно… – сказал мой муж, и все замычали, соглашаясь…

Но после четвертого «хуякса» уже не мычали, а дышали прерывисто. А после шестого, кто-то поинтересовался, откуда «абла» родом… «Руссия» – процедил мой благоверный. После восьмого все перестали дышать, а после десятого тихо разошлись… И мы тоже ушли. Черноглазый юноша долго глядел нам вслед… Задумчиво глядел… Муж ничего тоже не говорил. Правильно делал. Потому как неча! Били мы вас, турков, и бить будем. Во как!

– 20 —

Была как-то сотрудница – ангел, чистый ангел. Душой светла, лицом бела, телом невинна… Хотя уже лет под тридцать было барышне. В анамнезе родители – не то адвентисты, не то аюрведисты… (ну ладно-ладно. Я вижу разницу).

Баптистская семья, короче. Вполне интеллигентная.

Девочка – чудо что такое. Умница, красный диплом МГУ, спортивная гимнастика, лошадки, собачки… Родителей обожает, чистоплотна во всех смыслах, семейно ориентирована.

Причем там не было жесткого требования, что жених непременно должен быть единоверцем. Хороший приличный юноша – достаточно.

Ну, нашелся из соседнего офиса такой. Хороший, приличный, добрый. И так ему эта светлоликая Ольга полюбилась, что он принялся оказывать ей очевидные знаки и намекать.

Ну это мне очевидные! А ей – белый шум.

Она просто не понимала, что он с ней на обеде за стол садится постоянно не потому, что места больше нет или что ему про ее сеттера хочется поговорить.

Не понимала, что он ее не просто так каждый вечер ждет и до метро провожает. Опять же не для бесед про сеттера.

Не понимала, что маленькие карандашики всякие, ластики, блокнотики, точилочки (а она любила эту офисную хрень) он ей не как другу и брату таскает из командировок. А как бы с намеком «вот я там думал о тебе, специально зашел в магаз, купил».

И что когда он ее в кино на премьеру зовет, это не только про кино, поэтому «а давайте пойдем все вместе – это очень хороший фильм, должны увидеть все» – неправильный ответ.

Не понимала, хоть убей!

Не. Ну а откуда ей было это понять? Контекста не было в семье такого. Родители довольно строго отслеживали входящий поток. Всякие «Девять с половиной недель» и сериал «Друзья» прошли мимо. А на «Юноне и Авось» и Евангелии офисному флирту обучиться сложно.

Воот. Ну я думала, что может он ей просто не нравится, поэтому она не замечает. А потом оказалось – очень нравится, но она ждет честного прямого запроса. Его поймет. А вот это «Оля, от тебя всегда так нежно пахнет ландышами», – это не про любовь, а про ландыши и хорошее мыло.

А… Извините. Забыла сказать. Встречались они потом. Но поженились или нет, не знаю, была очень короткая история.

– 21 —

Бггг. Извините. Вспомнила.

Короче, я тут с бывшим-бывшим товарищем списалась.

Там была недобрая история, в которой я повела себя как Истинная Энциклопедическая Стерва. Я умею, если чо)))

И потом еще были многократные попытки товарища исправить ситуацию и поменять местами виннера и лузера. Все эти попытки заканчивались сильно не в его пользу.

А тут я с ним списалась по вацапу – нужен был старый контакт друга, ну неважно.

И мы довольно мило поговорили (первый раз за 18 лет), и даже расстались друзьями и «ну давай кофе попьем где-нибудь».

И тут, короче, я вечером часов в одиннадцать вижу, что он мне звонил, а я пропустила. Не услышала. Ну я набираю в обратку – молчок. Второй раз – тоже молчок. Ну на нет – и суда нет.

Ночью в три сообщение.

«Я ЗАНЯТ. Устал на работе. Перезвоню тебе сам, когда будет время!»

И не перезванивает целых пять дней)))).

Ну, иногда банан просто банан. Но я ж знаю, что не в этом случае. В этом случае у нас сейчас гордость и предубеждение. И ликующий скрип закрывающегося гештальта.

Считаю, надо великодушно ДАТЬ! Дать попробовать пойти закрыть гештальт… Онли.

– 22 —

Дяденька в очереди на узи… Лет 40. Бледный и дрожащий.

Узистка – молодая красивая женщина.

– Проходим! – говорит. – Мочевой пузырь полный?

– Что? Как? В смысле?

– Писать хотите?

– Что? А?… Нет. Да… Не знаю… А как надо?

Уходит за узисткой на полусогнутых.

Девочки в очереди, и девочки за стойкой, и сестры, которые оказались свидетельницами этого маленького диалога, понимающе переглядываются. Нет. Никто не смеется. Никто не подтрунивает. Понимают…

– Ну хоть пришел… Сам. Моего вон никак не загонишь, – вздыхает дама в норковой жилетке.

– А мой…

– А моего…

– А у моего…

– А моему…

Шерстяные волчары, чо… Пока хвост сам не отвалится (гусары, молчать), будут терпеть и делать вид, что все в порядке.

– 23 —
Лытдыбр
о бесправных женщинах востока

Бесправная женщина востока номер раз

Зовут Эмине. Возраст – хорошо за сорок. У бесправной женщины востока Эмине было пять магазинчиков всякого гламурного хламья, типа бусиков, стразиков, цацек, пецек, кружавчиков и проч. Все эти пять магазинчиков Эмине держала с самой своей бесправной юности. Ну как почил ее батюшка в бозе, оставив на старшенькую, к тому времени уже семнадцатилетнюю Эмине, трех младших сестриц и болезную матушку, так Эмине и взялась за бизнес. Деваться-то ей было некуда – сестрицы хотели жрать, а матушку надо было регулярно укладывать в больничку. Вот Эмине и впахивала. Закончила восьмилетку, а дальше уже и некогда было – все время занимали эти стразики, кружавчики, цацки, пецки, дикая конкуренция, чиновничьи препоны, проходимые лишь за счет взяток, регулярные экономические кризисы и проч. и проч. К сорока годикам Эмине крепко стояла на кривых ногах, пристроила всех сестриц, похоронила мать и успела сама раза три сменить статус сначала на замужнюю, потом на вдову, потом снова на замужнюю.

Познакомились мы с Эмине, когда я завалила в одну из ее лавчонок с целью приобрести коробочку под пуговицы. Она как раз там пила чай и орала на прыщавую продавщичку. Орала, не повышая, между прочим, голоса, отчего продавщичке становилось еще хуже.

– Ну не идиотка ли, – обратилась Эмине ко мне и картинно развела ручищами. – Ну кто так товар расставляет. Талдычу ей, талдычу, что в этом сезоне нужно вот эти вот бусинки поперед прочих вешать, и что молодежь сейчас все больше розовенькое любит, поэтому всякую розовую штучку следует держать на виду…

Я улыбалась. Улыбалась я еще целых полчаса, пока меня поили сперва чаем, потом кофе, потом снова чаем, потом кормили лукумом, а потом рассказывали про тупого второго мужа, который не может отличить качественное кружево от подделки, и которого посылать за товаром и не надо бы, а выбора-то и нету.

– А иначе он себя чувствует иждивенцем и очень переживает. Приходится вовлекать в бизнес. А куда ему бизнес? Он же у меня тюфяк… – сокрушалась Эмине. – Люблю гада… А ты возьми еще вот эти вот сережки в ушки, и еще вот эту накидку на плечи, а еще вот смотри какие заколочки.

За чай, кофе, рассказ о превратностях мировой экономики и необходимости вступления Турции в ЕС мне пришлось вместо одной коробки для ниток накупить гору ненужного гламурья и довольной отправиться домой.

Через полгода я столкнулась с Эмине возле другого ее магазинчика. Там же я познакомилась с ее «тюфяком» – благообразным лысым дядькой с извиняющейся улыбкой и некрасивой родинкой на лбу.

– А это мой супруг дорогой, – ворковала Эмине. – Если бы не он, ничего бы я сама и не сумела, и все бы развалилось к шейтановой бабушке, а вот ведь как повезло-то мне, такой мне пробивной и деловой бей достался по воле Аллаха… Сейчас вот поедем в Мертер за товаром – кружева надо отобрать.

Они сели в машину – Эмине за руль, «дорогой супруг» рядом, и фрррр – фордик скрылся за поворотом.

* * *

– Значит, так. К окну бисер помельче, там сейчас солнце – выгодное освещение, это важно. А вот в эти корзиночки цветы бумажные. И смотри, чтоб цвета сочетались. Митенки убери – уже давно не сезон. Да, еще… Вон те кружева из говна вообще не выставляй – не позорься. Мы потом ими наволочки отделаем и впарим кому-нибудь.

Она инструктировала новую продавщицу, а я стояла в дверях и ждала, когда Эмине обратит на меня внимание.

– Ой. Лариса ханым! Заходи, заходи. Чаю будешь? Ну ты подумай только, из-за этого Саркози опять не пустили нас в ЕС. И как после этого жить? Слушай, а давай откроем там у вас, в Москве, магазинчик типа моего. Я тебе буду слать товар, а ты…

Я улыбалась. Мне нужна была шпулька капроновых ниток, но я уже заранее знала, что без пакета бестолкового гламурья мне отсюда не выбраться.

Бесправная женщина востока номер два

Должность начальника отдела логистики нашей фабрички (пять тыщ персонала) Дамла ханым выбила с кровью – подсидела предыдущего шефа – хитрожопого усатого господинчика со связями в министерстве здравоохранения. Подсиживала она его лет пять, своих целей не скрывая. Нет. Дамла ханым не кляузничала руководству, не воровала счета-фактуры, не фальсифицировала отгрузочные документы. Она работала! Она работала так, что когда я впервые увидела ее субтильную фигурку за рулем вилочного погрузчика – прихренела. Дамла знала все. Просто все. Она наизусть могла перечислить все пятьсот наименований медикаментов, знала, на каком складе что хранится, куда, когда и что надо отправить. Она была просто живая складская программа, не дающая сбоев. Ее боялись начальники цехов, перед ней трепетали рабочие, а экспедиторы при звуке ее голоса бледнели и превращались в неслышные тени, способные произносить лишь одну фразу: «Так точно, ханым эфенди».

С Дамлой мы сидели в соседних кабинетах, и она частенько забегала ко мне покурить и хлопнуть чашку кофе с коньяком (коньяк, предназначенный на представительские цели, хранился в складике, примыкающем к моему персональному офису).

– Слушай. А посчитай мне мой склад, а. Я ж буду полдня мучаться, – подлизывалась я. Экспортный склад находился в моем подчинении, и мне было жутко лениво вбивать все эти цифири в эту дурацкую систему, чтобы потом все пересчитывать вручную.

– Ларис, ну я ж тебе поясняю, тут нужно просто формулу запомнить… – начинала она, но увидев мое вытянувшееся лицо, махала рукой и быстро калякала какие-то столбики значков на обрывке бумажки. Пять минут – и результат готов. Мне оставалось лишь распечатать красивую докладную и поставить свою подпись.

– У нас тут такое безобразие, беспорядок. Бренд-менеджеры тупые, финансисты – тупые, бухгалтерия – тупая. Все тупые! Пидарасы, а не работники. – Дамла была весьма несдержана на язык.

Однажды мы поехали с ней к новому перевозчику. Мне нужно было договориться об отгрузке в Румынию, ей заключить договорчик по местным поставкам. Чёрт! Да я никогда в жизни не видела ТАКОГО переговорщика! За полчаса она нагнула, вывернула наизнанку, выжала как лимон и доброжелательно растоптала всех, кто там был на этой встрече.

– Как вы с ней работаете? – в ужасе шепнул мне хозяин транспортной конторы.

– Нормально работаем…

Правда, мы с ней очень нормально работали. Она тащила на себе «мой» склад, разгребала мои хвосты, орала на «моих» кладовщиков и строила «моих» грузчиков. За это я ее слушала. Внимательно. Дело в том, что Дамла дико хотела замуж. Замуж ее никто не брал. Лицом Дамла не удалась, фигуркой тоже, характер у нее, как сами понимаете, тоже не ахти… Короче, к тридцати пяти у Дамлы имелось все: карьера, дом, счет в банке, прекрасное будущее…

– Завтра вот мама пригласила знакомых. У них сын разведенный, – делилась со мной Дамла. Матушка Дамлы – суровая дамочка – профессор Босфорского университета, давно и безуспешно пыталась устроить дочкину жизнь.

– Ну как? – спрашивала я Дамлу на следующее утро.

– А… – отмахивалась та. – Пузатый старикашка какой-то. Да и не хочу я замуж. Я женщина свободная, обеспеченная.

Я вздыхала. Опять Дамла не приглянулась потенциальному жениху. Да. Дамла же была девственной. Она призналась в этом, чуть краснея. Не оттого, что она стеснялась своей поздней девственности, а оттого, что решилась заговорить на такие темы.

– Был у меня один… Ну он вроде захотел, а я чего-то постеснялась. Ну и… Дурра, да? – спрашивала она меня. Моя русскость априори считалась за сексуальную осведомленность.

– Отчего ж дура? Но, может, и дура. Ребеночка бы хоть родила.

– Родила… Куда родила-то? А то ты не знаешь, что у нас одиночка с ребенком… Меня мать убьет. А что соседи скажут? Да и работу наверняка потеряю. Ребеночка!!! – Дамла злилась, вскакивала, шла на склад и там выплескивала свое либидо на вилочный погрузчик.

А потом к нам из Германии прислали нового начальника отдела развития бизнеса. Красномордый дойч, типичный до смешного, до омерзения пункутальный и двинутый на работе. Вот на почве общей бизнес-двинутости они и сошлись. То, се. Дамла стала реже забегать ко мне, зато частенько околачивалась на пятом этаже в кабинете с табличкой: «Ханц Ирмлер. Начальник отдела развития бизнеса».

Сплетни попозли через месяца три. Дамлу у нас не любили. Поэтому сплетничали тщательно, с большой фантазией и некрасивыми деталями. А деталей, я вам скажу, набралось прилично. Ну и когда однажды после окончания рабочего дня, когда все, включая уборщиц, уже разъехались по домам, главный технолог зашел в переговорную, чтобы забрать забытый диск с презентацией… тогда разразился скандал. Дамла в характерной позе сидела на пафосном дубовом столе, а Ханс в характерной позе знакомил ее с основами отношений между М унд Ж. Такая вот банальщина!

Дамлу вежливо поперли вон. Даже выдали положенное выходное пособие в размере пяти окладов. На четыре она купила новый БМВ, а на пятый пошла по магазинам за шмотьем, прихватив меня с собой.

– Такая вот пидарасская история. Как и вся моя жизнь. Послала резюме в Пфайзер. Завтра на собеседование.

– А Ханс чего говорит? – поинтересовалась я.

– А чего ему говорить. У него жена в Дюссельдорфе. Детей двое. Да и не нравится он мне.

– Дура ты, Дамла, – вздохнула я. – Как есть дура. Хоть не беременная?

– Хуй тебе, а не беременная! – заржала она, обнажая розовую десну. – Хотя, может, и зря.

На Пфайзер ее не взяли. Доброжелатель из «наших» доложил знакомцу из Пфайзера о случившемся казусе, и сплетня поползла по отраслевым конторкам, обрастая враньем. Через полгода Дамла устроилась на крупную фирму, но уже не в нашей отрасли. Еще через полгода подсидела тамошнего логистического босса.

А потом я уехала.

Она как-то позвонила мне. Сказала, что работой довольна, хотя все кругом пидары и ничего не умеют. Сказала, что мама ее уехала в Штаты не то на ПМЖ, не то еще что. Потом замялась… сказала, что живет не одна. Я, если честно, заволновалась. Решила, что дура вляпалась опять в какую-нибудь фигню. Нет. Оказалось, она оформила опеку над трехлетней девочкой и та ее зовет мамой. (Здесь все должны рыдать, хотя это правда.)

Бесправная женщина востока номер три

Найлан – это нечто. Это, я вам скажу, что-то с чем-то! Это то, что донести словами нельзя, и то, во что почти не верится. Найлан – высокая, подтянутая, аккуратная, спокойная, уверенная, умная, тактичная, доброжелательная. Аристократка.

Не принцесса на горошине, не маисовая королева, не сбоку припека, и не «ах, мы голубых кровей». Девичья фамилия Найлан в Истанбуле – это как Шереметьевы в Москве. Кто не знает прадеда Найлан – тот гяур, типа меня, и точка. Кто не знает деда Найлан – тот тоже гяур. И главное, что сама Найлан это свое османское голубокровие несет спокойно, не выкаблучиваясь, не задирая маленький носик. Отец Найлан – бывший посол одной из европейских стран – сед, строг, капризен и курит сигары, которые ему шлют из Аргентины его аргентинские друзья – владельцы заводов, газет, пароходов. Мать Найлан родом из Измирских помещиков – статная старуха с тихим голосом. Но когда она поет, аккомпанируя себе на стейнвее, голос становится глубоким, густым, звучным. Картавое «р» идет ей необычайно, и она сокрушается, что дочь так и не удосужилась выучить французский и ей не с кем поболтать дома. «Вся эта мода на америку, – „америка“ звучит с парижским прононсом – до добра не доведет. Зачем? Ну зачем все эти проамериканские настроения у нашей молодежи. Это так… так вульгарно».

Не знаю что там «вульгарно», но Найлан с ее бостонским БА и техасским МБА ведет себя так, что все рядом с ней выглядит как слободской трактир с лубками на стенах. Сотрудники женского и мужеского пола это чувствуют, поэтому избегают долгих бесед с «нашей королевочкой», чтобы не попасть лишний раз в положение ниже плинтуса.

Нет. Найлан не высокомерна. Найлан не снисходительна. Найлан не где-то сверху в эмпиреях. Она тут, рядом. Вся такая простая – простая, как пара шерстяных носков. Но вот любопытно, обслуживающий персонал – люди, которые четко ощущают свое подчиненное положение и этого не стыдятся, при виде Найлан становятся такими… послушными, что ли. Робкими. Нежными. Чуют нутром хозяйку. Это мы – типа тоже ровня Найлан лезем из кожи вон, чтоб ненароком не согнуть голову в почтительном «как вам будет угодно, ханым эфенди». А обслуге проще. Она и говорит так: «Как вам будет угодно, ханым эфенди». И первый, самый свежий чай, и самый лучший кофе, и самый вкусный пирожок несут не директору, а ей – простой такой манагерше экспортного отдела.

Мы год делили с ней один кабинет на двоих. Спрашивается, вот почему я села у двери, оставив лучшее место, то, что возле окна, для Найлан? Впрочем, я как-то потом уже к ней привыкла. И к ее всегда таким незначительным просьбам, воспринимаемым моим гегемоньим подсознанием как приказ, и к ее манере благодарить – словно одаривать шубой с плеча, и даже к ее странному юмору – совсем английскому.

– Фак! Я бы сдохла с этой сидеть весь день! – наша секретарша Айлин таращила подведенные синим глаза и ужасалась.

– А… Ничо. Можно жить.

У Найлан был муж – наполовину турок, наполовину англичанин. Это был такой крепкий дядька, очень состоятельный, очень умный, очень воспитанный. Я так понимаю, этот

полукровка никаким таким генеалогическим древом похвастаться не мог, поэтому Найлан у него вызывала те же чувства, что и у нас. Он каждый день заезжал за ней в обед и они шли потреблять дары моря в близлежащий ресторан. Между собой они разговаривали тихо-тихо, обращаясь друг к другу на «вы».

Меня это поражало. Меня это удивляло. Мне это было странно, чуждо. И еще было чуть обидно, что я вот такая вся плебейка и ничего с этим поделать нельзя.

У Найлан имелась лишь одна проблема – она не могла родить. Ну никак. Три экошки – увы. Поэтому иногда она замирала и начинала плакать всухую. Выть, реветь, истерить, как полагается нормальным бабам, Найлан просто не умела.

Короче, тогда, когда мы с ней стол в стол работали, она решилась на четвертое эко. ЭКО, насколько я понимаю, очень вредная и противная процедура. Очень. Главное, что она уже боялась очень. У нее последнее ЭКО зацепилось, а на третьем месяце она детку скинула. И этот вот страх он прям в глазах читался ОГРОМНОЙ БЕГУЩЕЙ СТРОКОЙ.

– Не ходи, нафиг, на работу. Лежи. Вынашивай, дура! – орала я на нее, когда она пришла в понедельник вся напряженная, прислушивающаяся к себе. – Можно подумать, тебе деньги нужны! Блин! Сука буржуйская! Иди, блин, и сиди в своей вилле…

– Не могу. Не могу. Я, понимаешь… Я должна быть сама чем-то. Не просто там дочь, жена… Я сама. Это очень важно.

– Я сама, я сама, – передразнивала я ее. – Дети важнее.

– Ну я знаю. Но понимаешь, если я сейчас сяду. Все! Буду как мама. Всегда при комто. Не хочу. Я осторожненько. Я буду сидеть все время.

Муж Найлан подкараулил меня у проходной. Он умолял не давать ей ходить, таскать что-нибудь тяжелее бумажки формата А-четыре, нервничать и т. п. Он пихал мне свой номер телефона и требовал, чтобы я звонила, если мне даже на полсекунды покажется, что что-то не так. «Она гордая. Она не скажет. Она будет терпеть. Пожалуйста». – Он почти плакал. Я, разумеется, пообещала.

И выполнила обещание. Кажется, я даже в туалет с ней ходила. На третьем месяце, кажется, открылось кровотечение. Она почувствовала и ведь промолчала. Начала сама звонить врачу. Пришлось ее уложить прям на кресла в переговорной, потом позвонить охреневшему от ужаса супругу, потом еще ехать с ней в больницу. Обошлось, да.

Родила она девчонок. Толстую и еще толще:). В роддоме от цветов невозможно было дышать. А она такая вся лежала довольная, но все равно королева. Матушка, батюшка, какие-то высокопоставленные родственники крутились вокруг. И отец двойняшек там сидел на краешке, как будто в гостях, и радовался сам себе. Мы с ним потом пошли в буфет и выпили за здоровье девчонок чаю.

Найлан на работу не вышла, хотя клялась, что ни за что!!! что никогда!!! что не для этого все эти БА и МБА!!!

А потом тоже любопытно. Знаете, что произошло? Там, в Турции, в 2000 году, что ли, влупил кризис, похлеще нашего, и муж Найлан разорился вчистую. Просто в ноль! На какие-то остатки денег вместе с еще одним горе-бизнесменом открыл кодаковскую лавчонку. Так вот Найлан, королева-Найлан, ходила по улицам с лотком на шее и распространяла рекламу этого салончика. Больше некому было. Ничего. Поднялись снова. Антикварный шопик у них в центре Стамбула. Она там за хозяйку.

Ходит вся из себя такая важная. Королева, мля.

– 24 —

Хе-хе. Ну раз уж мы сегодня об интимном… Я бы сделала «хроники климакса», потому как меня (мне 46, сейчас у многих ранний климакс) вот-вот должно это дело прибрать. Но климакс – это типа стыдно, и женщина должна это все скрывать и делать вид, что она до ста лет ололо, пыщь-пыщь, фертильна и все такое…

А меж тем, менопауза – неизбежный такой беспристрастный грядущий пиздец… И вот я еще год назад была такая ебливая, веселая кошечка, а уже сегодня я вся в приливах, потная, стремная, нервная, злая… и не знаю, чо делать и как жить…

«Ой. Вам еще рано беспокоиться. Вы еще овулируете», – говорит гинекологиня, потом смотрит анализы и по ее лицу я понимаю, что нет… не рано. Но просто она обучена утешать. Потому что менопауза – маленькая женская смерть, и положено утешать.

А я думаю, что давайте уже определимся про этот гребаный климакс, и я не буду переживать о том, почему меня колбасит по пять раз на дню. Я просто ебну нужную таблетку и пойду дальше работать…

Плюс у меня, если что, будет офигенная отмазка… Мол, прастити-с, жентльмены… я в менопаузе-с… гормон-с… Не в смысле я агрессивная, злая сука, а просто так складывается.

А жить мы это будем все. Все девочки! И это, в общем, прикольно. И это наше девачковое, и в этом наша сила… Люк.

– 25 —

Я люблю патриархат. Вот это все… большой дом с резными окошками, сад-огород, верандища на сто квадратов, сиренька белая над ней. В доме всякие прабабки-прадедки, внучки-правнучки, дяди-тети… все такие солидные, степенные, вежливые.

Большой стол, самовар, бабушка пирожков напекла, дедушка поросеночка забил… будут, будут скоро шварки.

Матушка в погреб сходила за рыжиками солеными. Батюшка достал запотевшее… прохладное… из другого погреба.

Сели, поели. Картошечки своей, курка-яйки, щец тоже…

И чтоб, когда я ем, – я глух и нем. И чтоб перед ужином непременно молитву. И чтоб во главе стола сидел прадед, а прабабка по правую его руку, в шали вся и седенькая…

И чтоб потом снохи, улыбчивые, тугозадые, быстро-быстро со стола прибрали… И дальше читать, например Чехова, вслух. Или в лото играть.

И чтоб по дому котятки бегают, по чистеньким половицам. Полосатеньки. И козленок чтоб. Непременно чтоб козленок беленький.

И младший внучок Иванушка, чтоб с этим козленком играл при помощи свежего, дедом сорванного прутика…

И потом чтоб еще вечерний чай с баранками. И чтоб мужчины солидно про планы на урожай, а женщины чтоб вышивали и тихонько пели «Лучину».

Ваще прекрасно.

Очень нравится. Очень так хочу.

Пусть я буду прабабушкой справа от прадедушки в шали.

И пусть мне наливочки домашней подносят сношеньки.

А Иванушка пусть подбегает и «баба, баба… а расскажи про ИванВодовича-ФедорВодовича…»

Ващеее…

* * *

Но вот я что думаю.

Вот, например, про фею и хрустальные туфли тоже ведь здорово, и тоже красиво и очень вдохновляет. Принц там, то-се…

Но в Золушку мы не верим.

А почему тогда продолжаем верить в Иванушку, козленка, и вот это все с рыжиками и прочими груздями?

Ну такого же порядка утопия. Только в другом жанре.

А на самом деле оно же вовсе не так… Ну, не будем про на самом деле. Не хочу. Хочу грибочков, наливочки и козленка.

И шаль.

И туфли из хрусталя.

– 26 —
Кумушка-кума

Почти забытые былицы в лицах

Вот не звали бы ее Алисой, а звали бы как-нибудь поспокойнее: Валя, Галя, Уля… меня б пожалуй так не проперло. А ее звали именно Алисой, и фамилия у нее была такая очень красивая на «ская». Какая точно – сейчас навряд вспомню, но знаю, что в сочетании с «Алиса» звучало это по-королевски. Да и статью Алиса тоже удалась. Княжеская стать, правильная: плечищи такие, что любой качок обзавидуется, ручищи тоже здоровые, и грудь четвертого размера. Кровь с молоком, а не девка! Лицо ясное, открытое, полнолунное, прозрачные синие глаза и косища до пояса. Когда Алиса выходила из-за плиты (она поварихой работала) и выплывала в столовку, тащила она за собой нечеловеческое сияние. Ступает павой, шейку лебединую чуть в бок гнет, персями вздымает. Ну, точно «месяц под косой, а во лбу звезда».

Звезды в высокий княжий лоб с завидной периодичностью впечатывал Алискин гражданский муж – Байрам. Тоже, кстати, весьма колоритный мужичок. Родом из деревушки не то под Диербакыром, не то под Манисой, очень вредный, хитрый, с веснушчатой мордочкой и полыхающей рыжей шевелюрой – он напоминал анатолийское солнце. Солнце горячее, непослушное, бессовестное. Еще Байрам обладал удивительной, «сырной», ухмылкой и подростковой юркостью. Куда ни глянешь, а Байрам вот он… уже здесь… Снует туда-сюда, плывет лучисто морщинками у глаз и белыми-пребелыми зубами и лопочет на забавной смеси турецкого и русского. Они рядом смотрелись, будто парад планет… И обязательный «красный карлик» на Алискином лбу, цветущий звездным спектром… Красииива!!!

Любили они друг друга: Алиска и Байрам. Любили уже давно, лет семь. Познакомились где-то под Иркутском – Байрам там гостиничные стены выкладывал плиткой. Плиточником Байрам был знатнейшим. Пальцы длинные, тонкие, нежные, как у пианиста… И каждый выложенный Байрамом туалет – ноктюрн, соната, симфония. Так вот однажды, отыграв штук сто концертов на строительстве гостиницы в Иркутске, Байрам перебрался в Москву, прихватив с собой музу в Алискином лице.

В Москве Байрам так и продолжал лабать свои керамические гаммы, а Алиска пристроилась на стройку поварихой. И все у них было, как у людей: съемная двушка на Молодежной, новый диван, регулярный секс. Ну и по башке Алиска тоже получала регулярно. А что? Бьет – значит любит. Это мы все помним. Да и не просто так лупил жену Байрам, а за дело. Потому что, как нашей девке ни талдычь, что на стройплощадку в декольте и мини ходить не след, как ни поясняй, что не надо оттопыренной жопой и сиськами четвертого размера смущать скромных турецких тружеников, а хрен вам…

И плыла Алиска между столиками, колыхая бедрами в трикотажной юбчонке, и шевелила пухлыми губами, и дышала глубоко, задумчиво, и глазами коровьими бездумно так ласкалась… Ну и производительность, разумеется, падала в какую-то бездонную яму.

Любопытно, что Байрам Алиску колотил скорее по необходимости, чем от огорчения за ее неуместное поведение. То есть, ему было важно продемонстрировать соплеменникам, что он свои функции выполняет, а дальше… А дальше… Кажется, он даже гордился, что у него такой вот белий-белий огромный женщин имеется. Ой! А как они миловались в подсобке, думая, что никто не слышит… Слышали все. Производительность вообще обнулялась.

Долго ли коротко, а начала Алиска настаивать на узаконивании отношений, из-за чего ее лоб и прочие фрагменты прельстительной плоти превратились прямо-таки в карту звездного неба. Алиску это не пугало, и она продолжала настаивать, а Байрам продолжал астро-

номические изыски. И все получилось хорошо, потому что когда на Алиске уже почти не осталось места для новых созвездий, они подали заявление в загс.

И мы гуляли на свадьбе до утра. И даже напились. И наш добрый шеф подарил новобрачным холодильник, а я подарила Алиске книгу «Королек – птичка певчая» и самоучитель турецкого, потому что проект заканчивался, и турки собирались валить на родину. Алиска как новоиспеченная турка, понятное дело, тоже.

Через месяц я куда-то переустроилась, быстренько подтерла файлы с ненужными воспоминаниями. Среди этих файлов оказались и Алиска с Байрамом. И только года через три я случайно встретила Алиску в «Шарике». Она все еще была лунной и томливой, легко ворочала огромные чемоданы и пила пиво из банки. Четвертый размер соблазнительно выпирал из декольте, а бедра все также бултыхались туда-сюда под красным трикотажем.

Мы вспомнились трудно, но вспомнились, и потопали курить и болтать.

– Ну, че ты? – спросила я.

– Да нормально, – ответила Алиска и стрельнула глазами на пробегающего мимо араба. – Живем потихоньку. Вот к маме моталась, в Иркутск. В Москве неделю у друзей пошарилась, сейчас домой.

– А живете где?

Она назвала какой-то населенный пункт, который, по моим приблизительным прикидкам, находился чуть дальше Альдебарана, короче – в заднице.

– Дом там у нас. Хозяйство. Байрамчик работает. Вот ребеночка будем делать.

Я вспомнила забавы в подсобке и поняла, что очень даже и сделают ребеночка, и удивительно, что до сих пор не сделали…

– А вообще как? – У нас с Алиской были разные рейсы, и я немного торопилась. – Нравится?

– Ага… – залыбилась Алиска. – Здорово! Тепло…

А потом вдруг мой рейс отложили, и мы направились пить пиво. Алиска рассчитывалась за ноль пять хайнекена, и в ее бумажнике я заметила черно-белое фото. С фотки, неулыбчивая, очень печальная, жаловалась на судьбу девушка в надвинутом на лоб платке и чаршафе.

– О! Это кто? – ткнула я пальцем в черно-белую фигурку. – Сестра?

– Щас, сестра! – заржала Алиска и потянулась к моей еще недопитой кружке. – Кума это моя! Кума!!!!

Оппа… Я неприлично громко сглотнула. Кума… не Кума, а именно ку́ма… так называют вторых жен… Вторых… Жен… Я сглотнула еще громчее…

– Ну-ка расскажи… – До взлета оставалось около часа.

Если бы Алиску звали Галей, или Валей, или даже Ларисой… Оно бы было не так любопытстсвенно. Но ее звали Алисой, и она попала в нору… И точно, как та самая Алиса, наша луноликая красавица не испугалась, не отчаялась, не смирилась… а просто потопала дальше по тропке, изумляясь тому, что происходит вокруг и повторяя «все чудесатее, и чудесатее»…

Сначала был Истанбул – шумный, бойкий, веселый. Они жили в отеле, питались вкусностями, гуляли по Босфору и кормили с ладоней голубей.

Потом была Анталия – песок, море, жара, мартини и много секса.

А потом медовый месяц офиналился, и Байрам повез Алиску домой – в ту самую возле-альдебарана – под диербакыром деревушку.

Турецкие деревушки – отдельная мелодия. Мелодия заунывная, тоскливая, русскому уху не привычная. Случаются такие жутенькие места, где до сих пор нет освещения и где женщины полощут белье в горных реках. Где дети зимой бегают босиком по снегу и не

знают, как лепить снеговика, потому что снеговик это уже почти изображение человека, что есть великий грех. Бывают деревни менее жуткие. Там в кособоких мазанках старушки перебирают шерсть или лущат фисташки, а девушки похожи на козочек и даже умеют читать. Бывают деревни как бы села… И там все в порядке и со школами, и телевизор ловит все каналы, так что по вечерам старики могут смотреть на какие-нибудь МТВишные страсти и плеваться от омерзения. Я плохо знаю турецкую провинцию, совсем недостаточно для того, чтобы подробно описать, что там и как. Знания мои больше киношные и случайно подслушанные, но, в любом случае, для этой истории достаточные.

Вот, например, я точно представляю, в какую дырищу попала наша Алиса. В очень даже симпатичную турецкую дырищу с нехилым рынком-пазаром, с начальной школой и поликлиникой на одного врача-энтузиаста и пару фельдшеров. Горсть мечетей и мужские кафе в количестве четырех штук… Полтора баккала и настоящая кондитерская… Там даже имелся какой-то клуб, куда девицы ходили по утрам на курсы домоводства, а парни толпились по вечерам перед старенькими компами, чтобы добраться до Интернета. Да. Райцентр (Алиска сказала название – я забыла) находился где-то в получасе езды на машине, что означало почти цивилизацию. В райцентре (ужас, ужас) существовал настоящий бар, где подавали пиво. Эта юдоль разврата посещалась крайне редко и только мужчинами. В самой деревушке спиртного не водилось в принципе. Поэтому Байрам прихватил с собой пару бутылок Ракы и ящик Эфеса, и с помпой, а также с молодой женой въехал в родную деревню…

Пялиться на русскую красавицу выперлось все население, включая младенцев и парализованных старух. Алиса гордо вывалила из машины ляжки, обтянутые стретчами, а затем вынесла на улицу свой четвертый размер, предварительно укутанный Байрамом в шарф. «Ооооаххх», – зашевелилась толпа. Даже максимально завернутая в тряпье Алиса была нестерпимо хороша. И белые косы на голове – как корона (кстати, в турецком белые волосы означает седые волосы, а вот для блондинок употребляется термин желтоволосая). Наша желтоволосая Алиса плыла под пристальными взглядами соседей и ощущала себя богиней… Ага… А кем еще она могла себя ощущать, когда все остальные женщины были плотно упакованы в чаршафы (все помнят, что чаршаф – это хиджаб?) угольного цвета.

Впрочем, царствование Алискино завершилось минут через десять, когда Байрамов батюшка – лысый, бровастый и злой, швырнул через порог черную тряпку.

– Теперь так ходить будешь, – рявкнул Байрам и проследил за тем, чтоб жена правильно нацепила бесформенный балахон. – У нас тут женщина скромный, неблять. Ты теперь тоже неблять.

Вообще, я полагаю, что Байрам вот в это «блять-неблять» ничего обидного вовсе не вкладывал. Просто у него была такая гибкая философия, основанная на восточном менталитете и двух основных понятиях: блять и неблять. В Москве, в Стамбуле, и даже в Анталии Байрамов менталитет прогибался под объективную реальность, поэтому парадигма «блять-неблять» была несколько иной. А здесь, в родной деревне, парадигму устанавливал отец и молла…

Короче, Алиска повыступала, словила в лоб и пошла знакомиться с родней (в режиме «блять» родня с ней знакомиться отказалась). В режиме «неблять» все прошло даже очень симпатично, Алиске разрешили перецеловать старикам руки, перелобзать женщинам щеки и перегладить макушки многочисленных детей.

– Благославляю. Иншаллах будет вам счастье. – Произнес сакральную формулу Байрамов батюшка и сообщил, что вечером прибудет ходжа, дабы Байрама с Алиской обрачевать уже на небесах, а не по шейтановым законам.

После брачевания Алиске наконец-то дозволили остаться с Байрамом наедине, и они отожгли как следует. Оказалось, что брачевание на небесах очень даже способствует отжогу.

Уже после факта отжога Байрам лениво погромыхал тазом с водой и пояснил ошарашенной Алиске, что положено совершать пост-омовение, а если таковое не совершить – небеса огорчатся. Омовения, однако, Байрам не совершил, но тазом усиленно потренькал… «На небесах, может, и не услышат, а мать с отцом успокоятся, что все по правилам», – еще раз пояснил Байрам туповатой Алиске…

С утра Алиске вручили пылесос и определили зону применения. Она, кстати, очень радостно включилась в помывку и попылесоску дома. Ей хотелось побыстрее стать своей. Пока она драила окна под надзором свекрови, Байрам куда-то свинтил.

– Мужчинам мужская работа, – пояснила свекровь, и Алиска, поковырявшись в разговорнике, даже поняла, о чем речь.

На мужской работе Байрам околачивался до полуночи. Алиска даже утомилась шарить по разговорнику и пояснять соседкам, что она – Алиска – хорошая, и не ест свинины. Ночью приперся Байрам, погромыхал тазиком и сообщил жене, что завтра они переезжают в другой дом.

– Большой дом будет. Ты – хозяйка.

Алиска радостно прижималась к рыжей волосатой груди и мечтала о холодильнике фирмы «Бош» – свой-то они оставили в Москве.

* * *

А наутро Алиску вместе с чемоданами погрузили на переднее сиденье. Только устроившись внутри и разложив уже привычный чаршаф на коленях, чтоб не мялся, Алиска обнаружила в машине троих незнакомцев. Сзади робко моргала молоденькая турчанка, также, как и Алиска, замотанная в черное тряпье. Правда, турчаночка была раза в четыре миниатюрнее, чем Алиска, поэтому ее было как-то трудно заметить. Зато двух бойких пацанов заметить оказалось куда как проще. Особенно после того, как старший, ни с того ни с сего, вцепился в Алискину бошку и начал тянуть за чаршаф, и за платок под чаршафом, и за желтые Алискины волосы.

– Аааа… Ачумели… – заорала Алиска по-русски, но тут за руль втиснулся Байрам, рыкнул и навел идеальный порядок и тишину.

– Кто они? – шепотом спросила Алиска своего спасителя.

– Жена моя и два сына. Ага… – Байрам повернул ключ, и машинка зарычала, заглушив Алискин «обана ситуевина».

– А я! Я кто? – Алиска бегала по пустому дому и картинно лупила себя кулаком в четвертый размер.

– Ты тоже жена. Любимый. А она – жена-так-папа-мама-хотел. Давно, – оправдывался Байрам. Он чувствовал за собой вину и поэтому даже не размахивал руками. Собственно, сабж спора притулился на узлах в уголке и зыркал любопытными глазищами. Дети шныряли по комнатам, что-то громко лопоча.

– Папа сказал. Мужчина может два жена. Или не мужчина…

Вообще-то мужчина может и три жена, и пять жена, и двадцать пять – главное, тазиком побренькать, но Алиска об этом не думала. Алиска охреневала. Она пыталась что-то уяснить, но что-то выскакивало и убегало прочь, точно чашки на чаепитии у мартовского зайца.

Уяснила все она уже вечером, прикладывая чайные примочки к левому глазу. Да. Оказывается, Байрам действительно был женат. Женился он по настоянию семьи в молочном возрасте, тогда же насажал детей, после чего уехал в Россию на заработки. О бедной своей Фатме вспоминал редко, только получив письмо от отца, однако деньги на воспитание отпрысков высылал регулярно. Что думал, о чем помышлял солнечный Байрам, брачуясь с Алиской, – тайна. Может, вправду думал развестись с Фатмой, сказав три раза «бош ол»

и отпустив бедняжку на все четыре стороны. Может, думал, что вообще не вернется домой, и так и будет посылать копеечку одной и любиться с другой… Может, просто не думал… Но когда отец взял его за плечи и произнес: «Байрам. Ты мужчина. Мужчины женщин не бросают. Учись жить с двумя женами или ты мне больше не сын», Байраму не осталось выбора. Он кивнул. Поцеловал отцовскую сморщенную руку. Заглянул в спокойные глаза. «Дом я вам купил, – добавил отец. – На большую семью хватит, – добавил еще. – Счастья тебе, сынок». – Поставил точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.